

Иогансон Исаакович Зильберфарб

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ ШАРЛЯ ФУРЬЕ

Французский ежегодник. 1958.

М., 1959. С.295-334.

Веб-публикация: библиотека Vive Liberta, 2010

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Дополнительно см. исследования по истории социальной мысли

А.Р.Иоаннисяна <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#ioanns>

В.П.Волгина <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#volg>

и др.

В литературе по истории социалистических идей довольно распространено поверхностное отношение к изучению процесса становления той или иной системы. Исследователи нередко рассматривают совокупность идей каждого мыслителя только как некую законченную систему и ограничиваются выявлением ее общей исторической обусловленности в целом на фоне всей социальной действительности данной страны в определенное время, не останавливаясь на этапах формирования этой системы и возникновении отдельных ее частей. Что касается корней ее составных частей и отдельных положений, то их обычно ищут в других системах идей путем сравнительно-литературных сопоставлений. Между тем известные нам социалистические системы возникали не сразу как таковые, в законченном виде, и с точки зрения историка важно не только определить их общую историческую обусловленность в целом, но и показать, как отдельные их составные части и важнейшие положения возникали, видоизменялись и объединялись в одно целое под влиянием конкретной исторической действительности. Все это надо самым тщательным образом изучить во всех подробностях, отнюдь не ограничиваясь необходимой, но далеко не достаточной общей характеристикой «фона» в качестве некоей предпосылки к столь же общему изложению «системы».

Общие исторические условия возникновения и развития эгалитарных, ассоциационистских и социалистических идей во Франции в предреволюционные, революционные и послереволюционные годы конца XVIII столетия достаточно известны, и повторять это известное здесь, на наш взгляд, излишне. Поэтому мы сразу же обратимся к нашей задаче — исходя из известного, проследить возможно подробнее творческий путь Шарля Фурье, выяснить конкретные обстоятельства возникновения и развития его «социетарного» учения, поскольку в таком плане последнее до сих пор изучено недостаточно.

Недостаточное внимание исследователей к выявлению этапов становления учения Фурье и выяснению реальных исторических условий

* Вопрос о генезисе общественного идеала Фурье, по которому имеются различные точки зрения (в частности А. Р. Иоаннисяна и И. И. Зильберфарба), требует дальнейшего изучения.— *Ред.*

его формирования имело свои объективные причины. Дело в том, что почти все положения, определяющие систему Фурье, мы встречаем уже в одной из ранних его статей, напечатанной в 1803 г.¹ К тому же многие составные части и положения системы Фурье — представление об историческом развитии человечества, учение о человеке и социальных факторах его формирования, идея «притяжения страстей», указание на ассоциацию как путь к всеобщему благосостоянию и ряд других — напоминают те или иные идеи Лейбница и Кондорсе, Дидро, Ретифа и Кондильяка, Руссо, Морелли и Мабли, Рабле, Листонаэ, Мерсье и других писателей, выступавших задолго до него. Некоторые общефилософские взгляды Фурье — представление о единстве мироздания, космогоническая концепция, теория аналогий, идея о провиденциальном порядке и всемирной гармонии — кое в чем совпадают с идеями Сведенборга, Дюпон-де-Немура, Бернардена де Сен-Пьера и других мистиков XVIII в., а также Сен-Мартена, Ретифа, Шеллинга и др. Отсюда очень легко (и многие писавшие о Фурье так и поступили) «вывести» воззрения Фурье из всех этих литературных источников и утверждать, что на этой именно основе Фурье и создал свою систему и что последняя была законченной уже в самом начале его литературной деятельности.

Однако конкретное исследование обстоятельств жизни и творчества Фурье, выполненное Ю. Буржемом² и некоторыми другими историками, показывает, что его теория вовсе не возникла сразу как цельная система на основе изучения литературы, а складывалась постепенно, дополнялась и исправлялась в результате преимущественно знакомства Фурье с экономической, социальной и политической действительностью Франции, в частности Лиона, и других стран на протяжении последних лет XVIII в. и первых трех с половиной десятилетий XIX в.; литературные же влияния на этого мыслителя были весьма ограниченными и большей частью не непосредственными.

Ф. Энгельс писал: «Фурье конструирует по-своему будущее, после того как правильно познал прошлое и настоящее»³. К этой мысли — о реальных исторических корнях идей Фурье — приближался и Мишле. «Кто сделал Фурье? — писал он. — Ни Ланж, ни Бабеф. Лион — единственный предшественник Фурье»⁴. Действительно, Лион в годы революции и послереволюционный Лион в наибольшей мере сосредоточил в себе почти все характерные для этих периодов процессы жизни страны. Этот город был для Фурье своего рода творческой лабораторией. Если тщательно рассмотреть под этим углом зрения лионскую действительность того времени и дополнительно изучить то, что было предметом наблюдений Фурье в других местностях Франции, а также в Германии и Нидерландах, можно представить с большой степенью ясности и достоверности не только общий путь формирования идей Фурье, но и важнейшие этапы становления его учения.

То, что было сделано до сих пор в отношении исследования пути и этапов формирования учения Фурье, недостаточно по охвату проблемы и относящихся к ней источников (не привлечены в полной мере для

¹ Harmonie universelle. «Bulletin de Lyon», 11 frimaire an XII.

² Н. Bourgin. Fourier. Contribution à l'étude du socialisme français. Paris, 1905

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 2, стр. 583.

⁴ Это замечание Мишле, сообщенное Габриэлем Моно, приведено Жоресом: J. Jaurès. La Convention, t. I. Paris, 1903, p. 328.

изучения генезиса идей Фурье его рукописный архив, в частности переписка, и материалы локальной истории), а кое в чем не может удовлетворить нас и по существу. Так, например, выводы А. Р. Иоаннисяна, больше других занимавшегося изучением этого вопроса⁵, о приоритете прозреть рудиментарных ассоциативных учреждений в творчестве Фурье недостаточно обоснованы и противоречат такому общеизвестному факту, как то, что свой общественный идеал — строй гармонии — Фурье провозгласил уже в 1803 г. (в статье «Всемирная гармония»), тогда как идея возможного, но отнюдь не желательного, на его взгляд, строя гарантий и относящиеся к гарантизму планы частичных ассоциативных учреждений возникли позднее. Обширный материал, который привлек в своем исследовании А. Р. Иоаннисян, — главным образом данные о различных проявлениях ассоциационизма во Франции XVIII столетия и о натурфилософских и ассоциативных идеях Ретифа де ла Бретонна, — сам по себе чрезвычайно интересен, но в значительной своей части он к Фурье прямого, а иногда и косвенного отношения не имеет. Мы находим здесь кое-что новое о предшественниках Фурье, но относительно мало для конкретного выяснения вопроса о генезисе и этапах формирования социальной философии Фурье, в частности его социетарного плана.

Особо следует остановиться на вопросе о произведениях известного французского писателя XVIII в. Ретифа де ла Бретонна как возможном источнике идей Фурье. Вопрос этот был впервые поставлен более столетия тому назад Пьером Леру, который, резко критикуя учение Фурье, неоднократно ссылаясь на Ретифа как на источник Фурье и даже утверждал в связи с этим, что «Фурье — плагиатор»⁶. Позднее тема «Ретиф — Фурье» неоднократно затрагивалась в литературе, и утверждения об исключительном влиянии Ретифа на Фурье делались вплоть до последнего времени. Однако защитниками положения о таком влиянии Ретифа на Фурье убедительно доказать это не удалось. А. Р. Иоаннисян, который тщательно изучил этот вопрос, приходит к выводу, что «у нас нет прямых документальных доказательств знакомства Фурье с произведениями Ретифа»; что из наличия ряда совпадений «конечно, вовсе не следует, что все... аналогичные идеи и представления обоих авторов — результат влияния Ретифа на Фурье»; что на вопрос о верности выдвинутого Пьером Леру обвинения Фурье в плагиате «нельзя дать иного ответа, кроме отрицательного»; что «было бы ничем не обоснованной натяжкой предполагать, что все эти элементы позаимствованы Фурье непосредственно и исключительно у Ретифа, тем более, что некоторые из них не являются специфическим достоянием последнего»⁷. Совпадение отдельных идей и их выражения у обоих авторов, какое можно установить путем сравнительно-литературного исследования, могло бы служить показателем заимствований лишь в том случае, если бы самый факт прямых заимствований Фурье у Ретифа был доказан другими данными, историческими фактами; но таких именно данных, таких фактов до сих пор нет.

Точно так же следует признать, что совпадение целого ряда общих положений учения Фурье и отдельных его социально-психологических и педагогических идей с аналогичными (иногда почти идентичными)

⁵ А. Р. Иоаннисян. Генезис общественного идеала Фурье. М., 1939.

⁶ P. Leroi. Lettres sur le fouriérisme. «Revue sociale», juin, juillet, août, octobre, novembre 1846, janvier, avril 1847, mars 1850.

⁷ А. Р. Иоаннисян. Указ. соч., стр. 117, 119, 209 и 210.

высказываниями современных ему выдающихся представителей раннего социализма (Сен-Симон, Оуэн) и передовой педагогики (Песталоцци) не дают оснований говорить о прямых заимствованиях Фурье; и здесь такое совпадение объясняется скорее общими социальными факторами, под влиянием которых формировалось мировоззрение всех этих мыслителей. Однако есть основания предполагать, что в 20-х годах, когда Фурье разрабатывал свой план «единого и сложно-целостного воспитания», он читал переводы сочинения Оуэна⁸ и кое-что изданное по-французски о его опытах⁹, так что некоторые педагогические положения (всестороннее развитие ребенка, сочетание обучения с производительным трудом и гимнастикой, воспитание коллективизма и др.), теоретически обоснованные и практически проверенные на опыте Оуэном, стали для Фурье подкреплением его собственных идей и толчком к конкретизации их. Можно также согласиться с Буржемом, что журнальная заметка об описывающей опыт Оуэна книге Мекнэба¹⁰, вероятно, натолкнула Фурье на мысль о детском фаланстере, с проектом которого он выступил позднее, в 1833 г.¹¹ Что касается педагогических идей Песталоцци, то с ними Фурье ознакомился, как он сам признает, только «по обзорам, данным в «*Moniteur'e*»»¹².

Идея наглядности, выдвинутая Песталоцци, сначала было увлекла Фурье, и он с похвалой отзывался о системе великого швейцарского педагога; но впоследствии он стал резко критиковать Песталоцци и его помощников, которые, по его мнению, за тонкостями своего наглядного метода забыли о страстях, свойственных молодежи¹³.

Таким образом, рассмотрение вопроса о влиянии предшественников и современников Фурье на формирование его идей приводит нас к выводу, что не литературные произведения этих предшественников и современников были основным источником идей Фурье. Несомненная общность некоторых идей в данном случае объясняется только общими историческими условиями.

Можно признать лишь некоторые, да и то лишь косвенные влияния в отдельных частностях, но нет достаточных оснований говорить о прямых литературных заимствованиях Фурье. Такой вывод заставляет нас при исследовании возникновения и развития идей Фурье обращаться не к литературе, а к реальной жизни, наблюдения над которой и влияния которой и были основным источником его идей и важнейшим фактором формирования и развития их. Не имея в виду давать здесь био-

⁸ Mémoire de M. Robert Owen de New Lanark en Ecosse, adressé aux souverains alliés assemblés à Aix-la-Chapelle, dans l'intérêt des classes ouvrières [Francfort, 1818]; R. Owen. Institution pour améliorer le caractère moral du peuple, trad. de l'anglais par M. le comte de Lasteyrie. Paris, 1819.

⁹ H. G. Macnab. Examen impartial des nouvelles vues de M. Robert Owen, trad. de l'anglais par M. Laffon de Ladébat. Paris, 1828; A. Jullien Notice sur la colonie industrielle de New Lanark, en Ecosse, fondée par M. Robert Owen. «Revue encyclopédique», t. 13, avril 1823, p. 1—25; R. D. Owen. Esquisse du système d'éducation suivi dans les écoles de New Lanark, trad. de l'anglais par M. Desfontaines. Paris, 1825.

¹⁰ H u a r d. Examen impartial des nouvelles vues de M. Robert Owen, par Henry Gray Machab, trad. de l'anglais par M. Laffon de Ladébat. «Mémorial universel de l'industrie française, des sciences et des arts», t. 5, 1821, p. 241—255

¹¹ La théorie familière, ou l'école d'éclosion des instincts. «La Réforme industrielle, ou le Phalanstère», 1833, t. II, № 26, p. 301—306; Détails sur l'épreuve minime, en travaux a courtes séances, appliquée à 160 enfants de 3 à 12 ans. Ibid., p. 346, 349.

¹² Publication des manuscrits de Ch. Fourier. Paris, 1851, p. 35.

¹³ Œuvres complètes de Ch. Fourier, t. VI, p. 214.

графю Фурье, остановимся только на тех обстоятельствах и моментах его жизни, которые сыграли определяющую роль в процессе формирования важнейших составных частей его учения.

* * *

Шарль Фурье вступил на жизненный путь в последней четверти XVIII столетия¹⁴. Это был период, когда длительные мирные отношения с внешним миром, установившиеся после Парижского трактата 1763 г., благоприятствовали экономическому развитию Франции, а заимствование из Англии новых методов ведения сельского хозяйства, промышленного производства и торговли ускорило это развитие. Во французской деревне применение новых методов сельскохозяйственного производства вело к социальному расслоению крестьянства, из среды которого вырастала сельская буржуазия, масса же пауперизировалась и превращалась в наемных работников или же в бродяг и нищих. Зависимость сельского хозяйства Франции от внешнего рынка способствовала усилению роли в нем торгового капитала. Последний господствовал и над развивающейся в стране промышленностью, которая представлена была уже не только в виде рассеянной мануфактуры, но и — в отдельных случаях — в предприятиях фабричного типа, оснащенных машинами. Промышленность нового типа сосредоточивалась в некоторых крупных городах и их пригородах, население которых стало быстрее возрастать и которые стали перестраиваться как внешне, так и внутренне. Жизнь рабочих, условия труда которых были невероятно тяжелыми, становилась все более и более невыносимой, особенно в годы экономических кризисов, вызывавших массовую безработицу. Рабочий люд, разделенный на различные по своим интересам группы и лишенный еще сознания своих общих классовых интересов, выражал свое возмущение лишь в стихийных стачках и бунтах. Предприниматели же, все больше и больше зависевшие от торговли, усиливали давление на рабочих, стремясь выжать из их труда возможно большую выгоду. Развивались и противоречия между интересами промышленников и интересами коммерсантов, причем господство последних в экономической жизни становилось все более ощутимым, и нередко коммерсанты полностью захватывали промышленное производство в свои руки. В этих условиях во французском обществе появилась интеллигенция, состоявшая в значительной своей части из людей, вышедших из народа, связанных с народом и по своему социальному положению близких к ра-

¹⁴ Из общей литературы по экономической и социальной истории Франции этого периода заслуживают быть отмеченными следующие труды: E. Levasseur. Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France avant 1789, 2e éd., 2 vls. Paris, 1900—1911; его же. Histoire du commerce de la France. Première partie: Avant 1789. Paris, 1911; H. Sée. Les origines de l'industrie capitaliste en France à la fin de l'Ancien régime. «Revue historique», 1923; его же. La vie économique et les classes sociales en France au XVIIIe siècle. Paris, 1924; L'évolution commerciale et industrielle de la France sous l'ancien régime. Paris, 1925; его же. La France économique et sociale au XVIIIe siècle. Paris, 1925; его же. Esquisse d'une histoire économique et sociale de la France depuis les origines jusqu'à la guerre mondiale. Paris, 1929; его же. Histoire économique de la France: I. Le moyen âge et l'ancien régime. Paris, 1939. II. Les temps modernes (1789—1914). Paris, 1931; G. Martini. Histoire économique et financière (Histoire de la nation française, t. X). Paris, 1927; A. Vialatte. L'activité économique de la France de la fin du XVIIIe siècle à nos jours. Paris, 1937.

ботникам наемного труда. Эта интеллигенция, вдохновленная естественно-правовыми идеями великих просветителей, подвергала радикальной критике не только феодальные отношения, но и складывавшуюся новую, капиталистическую цивилизацию, искала выхода в освобождении общества от господства «негоциантов» и провозглашала эгалитарные, коммунистические и ассоциационистские идеи.

Шарль Фурье был одним из представителей младшего поколения этой новой французской интеллигенции. Он родился 7 апреля 1772 г. в купеческой семье в Безансоне, бывшем в то время главным городом богатой сельскохозяйственной провинции Франш-Конте и крупным торговым центром¹⁵. Там он провел годы своей юности, которые были годами кануна и начала Великой французской революции. Он получил возможность непосредственно наблюдать происходившие тогда значительные социальные сдвиги либо познавать их по производным от них явлениям, с которыми он сталкивался. Все это сосредоточивало его внимание на развивающейся экономической и социальной жизни, на ее противоречиях и на исканиях путей и средств к разрешению этих противоречий.

С детства слабым здоровьем, молчаливый и задумчивый, Шарль Фурье проявлял острую наблюдательность и чувствительность к окружающему. Быт семьи поражал ребенка противоречиями между действительной жизнью и дававшимися ему нравственными наставлениями. Торгашеские плутни, которые он стал замечать уже в раннем возрасте, возмущали его. Однажды, когда ему было семь лет, он как-то высказал это свое возмущение, за что был наказан родителями. Мысли о лицемерии и лживости буржуазной морали и отвращение к торговле зародились в Фурье, таким образом, уже в детстве. Впечатлительный мальчик уже тогда дал себе ганнибалову клятву вечно ненавидеть торговлю. В то же время он — к сильному неудовольствию родителей — проявлял симпатии к беднякам и нередко тайком помогал им в меру своих возможностей. Так, социальная среда, в которой родился и рос Фурье, и определившиеся черты его личного характера составляли первичные предпосылки его позднейшей социальной критики и его социально-преобразовательных устремлений.

Как и все дети состоятельной городской буржуазии, Шарль Фурье был определен в местный коллеж, который был в то время в руках иезуитов и давал обычное классическое образование, вербальное, формальное, ограниченное¹⁶. Школьное образование не удовлетворяло живого и любознательного юношу, и эта неудовлетворенность сочеталась с ощущением противоречий между требованиями школы, семейным воспитанием и жизненными потребностями молодой развивающейся личности. Впоследствии все это в развитом виде отразилось на той блестящей критике буржуазного воспитания, которую Фурье дал в своих произведениях.

Богато одаренный, Шарль Фурье легко усваивал всевозможные знания, с особым интересом занимался географией, математикой, физикой. Вместе с тем он проявлял большую склонность к искусству: увлекался

¹⁵ О Франш-Конте и Безансоне этого периода см.: «La Franche-Comté ancienne et moderne», 2 vls. Besançon, 1857—1859; L. F e b v r e. Histoire de Franche-Comté. Paris, s. a.; Ed. C l e r c. Histoire des États généraux et des libertés publiques en Franche-Comté. Besançon, 1882; J. G a u t h i e r. Besançon de 1774 à 1791. Chronique d'un contemporain anonyme. Besançon, 1891; L. P i n g a u d. L'instruction publique à Besançon en 1789. Besançon, 1898.

¹⁶ S. D r o z. Histoire du collège de Besançon. 2 vls. Besançon, 1868—1870.

музыкой, которую изучал самостоятельно, без учителя, и даже сочинял небольшие музыкальные опусы; писал стихи, преимущественно сатирические; любил цветы и яркие краски. В эти годы зарождались характерные особенности его позднейшего творчества: стремление к научной, по возможности математической точности в сочетании с художественной выразительностью и поэтичностью, сатирическая заостренность критики — с яркой красочностью в изображении будущего.

Уже в юности Фурье стремился к развитию всех своих способностей, к многообразию занятий, к разносторонней деятельности, чего он позднее так убедительно требовал в своем социальном учении, развивая план общественного устройства, обеспечивающего всестороннее и цельное воспитание и возможность всесторонней деятельности для каждого. Между тем вскоре юношу ожидала коллизия между этими личными стремлениями и потребностями, с одной стороны, и требованиями классово-определенной общественной среды — с другой. Семья решила готовить Шарля к торговой карьере: по купеческой традиции, единственный сын торговца должен был также стать торговцем, чтобы унаследовать и продолжать дело отца. Когда мальчику было девять лет, отец Фурье умер, но и после смерти он навязывал свою волю сыну, завещав ему свое имущество с истинно купеческой хитростью: одну треть сын получит к двадцати годам, если будет заниматься торговлей; вторую треть — к двадцати пяти годам, если только, продолжая торговую деятельность, женится; последнюю треть — к тридцати годам. Так Фурье встретился с проявлением того «воспитания преемственности», которое он впоследствии с такой силой разоблачал.

По окончании коллежа Шарль Фурье, не удовлетворенный полученным словесным образованием и имевший большую склонность к точным и прикладным наукам, хотел продолжать свое образование так, чтобы стать военным инженером. Но путь в инженерную школу был для него закрыт: в дореволюционной Франции туда принимали только дворян, он же принадлежал к сословию мещан. Правда, дворянское звание можно было купить, но семья на это денег не давала, настаивая на ненавистной Шарлю торговой карьере. Жизненный опыт молодого человека, познавшего противоречия между интересами личности и требованиями классового общества, тем самым продолжал обогащаться.

Долго молодой Фурье сопротивлялся настояниям семьи, не имея самостоятельных средств к существованию, а тем самым и возможности пойти в жизни своим путем. После двукратного побега от купцов, к которым его посылали учиться, он вынужден был в конце концов подчиниться. В 1790 г. мать отправила его на выучку в солидный торговый дом в Лионе. Два последующих года он проходил практическую школу торгового дела, побывав в эти годы в важнейших торговых и промышленных центрах тогдашней Франции — в Лионе, затем в Париже и Руане, откуда он снова вернулся в Лион. Жизненные наблюдения, которые молодой Фурье имел возможность собрать во время этой своей торговой практики, послужили первоначальным толчком к предпринятой им позднее серьезной критике торговли как основы буржуазной «цивилизации». Вместе с тем они открыли ему обильный источник, из которого он впоследствии черпал конкретный материал для обоснования своих социально-критических высказываний.

Лион, первый для Фурье после родного Безансона город, был в то время вторым по величине и значению городом Франции, единственным в стране провинциальным городом с числом жителей свыше ста тысяч

(его население составляло около 135 тыс. человек) ¹⁷. Лион был тогда уже крупнейшим торгово-промышленным центром, центром крупных меновых, кредитных и иных банковских операций. Большая часть его активного населения (около $\frac{3}{7}$) была занята в шелкоткацкой промышленности, которая начала развиваться в этом городе еще с XV в. К моменту, когда Фурье впервые прибыл в Лион, *la grande fabrique*, как тогда называли шелкоткацкую промышленность этого города, была по сути большой рассеянной мануфактурой. Заправилами здесь были 400 хозяев-купцов (*maîtres-marchands*): они сосредоточивали в своих руках 60-миллионный капитал, и на них работали в своих мелких мастерских около 6 тыс. мастеров-рабочих (*maîtres-ouvriers*) и более 32 тыс. рабочих низших квалификаций — подмастерьев, учеников и прочих работников ¹⁸. Буржуазная аристократия Лиона давно заняла господствующее положение в городе и в провинции, приобрела личное дворянство и оттеснила родовую аристократию, остатки которой тесно связались с богатой буржуазией.

Накануне революции Лион был одним из самых буржуазных городов Франции. Буржуазная олигархия жила исключительно роскошно, тогда как положение массы трудящегося населения было до крайности бедственным. Каторжный труд, нужда, невежество, проституция, безработица, голод и преждевременная смерть от истощения были уделом лионских рабочих и работниц. Будучи доведены до грани отчаяния, трудящиеся Лиона нередко восставали против своих эксплуататоров (крупнейшие дореволюционные стачки и восстания — в 1744 и 1766 гг.). Классовые противоречия были здесь обострены как ни в одном другом городе Франции того времени, и это бросалось в глаза на каждом шагу в деловой жизни и в быту, в общественных отношениях и в политической борьбе.

Кризис 1786—1788 гг., угроза конкуренции английских товаров после торгового договора 1786 г., провозглашение государством полной «экономической свободы» в 1792—1793 гг., рост произвола предпринимателей-торговцев, спекуляции и ажиотажа еще более ухудшали и без того невыносимое положение лионских рабочих, среди которых в 1792 г. насчитывалось около 30 тыс. безработных. В связи со всем этим революционная политическая борьба приобретала здесь интенсивную социальную окраску. «Вопрос политический, — писал по этому поводу впоследствии Мишле, — был внешним и второстепенным в Лионе.... Сокровенным и глубоким вопросом... был вопрос социальный, спор между бедными и богатыми. Этот великий и жестокий вопрос, завуалированный в

¹⁷ О Лионе конца XVIII столетия: С. Branlieu. *Histoire du commerce, de l'industrie et des fabriques de Lyon*. Lyon, 1838; J. Morin. *Histoire de Lyon depuis la Révolution de 1789*, t. I. Paris — Lyon, 1845; A. Balleydiér. *Histoire politique et militaire du peuple de Lyon pendant le Révolution française (1789—1795)*. 3 vls. Paris, 1845; J. B. Monfalcon. *Histoire monumentale de Lyon*. Paris, 1834; A. Metzger et J. Vaesen. *Révolution française*. Lyon. Notes et documents inédits. 10 vls. Lyon, 1882—1896; E. Pariset. *La chambre de commerce de Lyon*. 2 vls. Lyon, 1887—1889; его же. *Histoire de la fabrique lyonnaise*. Lyon, 1901; S. Charlety. *Histoire de Lyon*. Lyon, 1903; J. Godart. *Travailleurs et métiers lyonnais*. Lyon, 1909.

¹⁸ Лионский «фабрикант» того времени был по сути лишь купцом-предпринимателем, который, по выражению Маркса, «непосредственно подчиняет себе производство» (К. Маркс. *Капитал*, т. III. Госполитиздат, 1955, стр. 346), поскольку тогда «фабрикант во французской шелковой промышленности... по большей части лишь номинально был фабрикантом, в действительности же — просто купцом, который представлял ткачам работать их старым раздробленным способом и господствовал над ними только как купец, на которого они фактически и работали» (там же, стр. 346—347).

других местах под политическим движением, всегда выступал в Лионе в своей обнаженности»¹⁹.

Наряду с острейшими социальными конфликтами, наряду с жестокой классовой борьбой, ареной которой был Лион в последние десятилетия XVIII в. и которая в 1792—1793 гг., с развитием революции, приняла форму гражданской войны, в этом крупнейшем рабочем центре можно было заметить попытки создания новых экономических организаций, которые могли бы облегчить положение трудящихся, и новых социальных порядков, которые могли бы перестроить на более справедливых началах производственные и общественные отношения. Здесь, под влиянием нужды, рабочие организовывали коллективную закуску продовольствия, топлива и других потребительских товаров, создавая таким образом примитивные формы потребительской кооперации. Здесь возникали и различные производственные товарищества ремесленников и рабочих, прообразы производственной кооперации. Появились и различные общественные объединения для обеспечения производственных усовершенствований, страхования имущества, организации благотворительности и т. д. Здесь же нашлись и люди (Ланж и др.), которые выдвигали более широкие планы производственных и потребительских ассоциаций и пропагандировали ассоциационизм как путь к преодолению существующих экономических и социальных неурядиц.

Фурье, который прибыл в Лион вскоре после еще не совсем преодоленного экономического кризиса, в период уже начавшейся и развивавшейся революции, не мог не видеть всего происходящего на его глазах в этом большом городе. Весьма вероятно, что уже здесь и в эти годы у него зародилось впоследствии столь блестяще осуществленное намерение описать разительные социальные противоречия, богатство торговцев и бедствия пролетариев. Тогда же, вероятно, появились у него первые мысли о порочности существующего общественного строя, о том, что социальный вопрос, а не вопрос политический, является важнейшим вопросом современности, наконец, появилась идея, что ассоциация должна стать повой основой социальной организации. А то, что он видел во время своих отлучек из Лиона, во время деловых поездок в 1790—1793 гг. по другим городам Франции, лишь дополняло сделанные в Лионе наблюдения и подтверждало верность тех же само собой напрашивавшихся выводов.

Среди крупных промышленных и торговых центров Франции, в которых Фурье побывал в эти первые годы своей торговой практики, особое значение имели Руан, Марсель и Бордо.

Руан, один из старейших городов Франции, был в то время большим центром текстильной промышленности²⁰. Здесь рано стали развиваться шерсте- и льнопрядение и ткачество, а с XVII в.— также и хлопчатобумажная мануфактура. Позднее, с XVIII в.,— начато было производство особых хлопчатобумажных цветных тканей, получивших широкое

¹⁹ J. Michelet. Histoire de la Révolution française, t. VI. Edition définitive. Paris, [s. a.], p. 288—289.

²⁰ О Руане в рассматриваемый период см. некоторые из указанных выше общих трудов по экономической и социальной истории Франции, а также следующие: E. Gosselin. Journal des principaux épisodes de l'époque révolutionnaire à Rouen et dans les environs de 1789 à 1795. Rouen, 1867; E. de La Quèrière. Rouen pendant la Révolution. Rouen, 1868; J. Levainville. Rouen. Étude d'une agglomération urbaine. Paris, 1913; G. Dubosc. A travers Rouen ancien et moderne. Rouen, 1920; E. le Parquier. Une enquête sur le paupérisme et la crise industrielle dans la région rouennaise en 1788. Rouen, 1936.

распространение под названием *goussineries*. К середине XVIII столетия окраска хлопковой пряжи стала производиться на месте, и это дало толчок к дальнейшему развитию руанской мануфактуры, в которую вовлекалось и сельское население округа, все больше и больше оставлявшее земледелие, чтобы заняться более выгодным производством пряжи. Во второй половине XVIII в. в Руане стали производить муслин, ситец и другие цветные ткани, прежде бывшие во Франции предметом импорта. Это еще больше способствовало развитию руанской мануфактуры, на которую в 1783 г. работало уже около 40 тыс. человек окрестного населения. Накануне революции 1789 г. работа на руанскую мануфактуру стала уже господствующим занятием во всей прилегавшей к Руану области, вплоть до Гавра. Введение «дженни», которые стали изготавливаться во Франции после 1780 г., не изменило характера руанского производства как рассеянной мануфактуры и не вытеснило ручного прядения, которое и ко времени революции по своему объему превышало машинное прядение почти в десять раз. Королевская мануфактура, где в одном предприятии было сосредоточено много станков «дженни», была лишь исключением. Попытка создать концентрированное многостаночное производство с гидравлическим двигателем закончилась провалом и банкротством предприятия нового типа. Созданные герцогом Орлеанским предприятия, равно как и основанная в 1784 г. большая мануфактура акционерного общества в Лувье и мануфактура Моргана, основанная в 1788 г., пользовались новыми, усовершенствованными машинами, но машины эти приводились в движение не механическими двигателями, а людской рабочей силой. При наличии дешевой рабочей силы детей, женщин, стариков и «нищих», эксплуатация которой не встречала ни каких ограничений, технический прогресс задерживался, а пауперизм народных масс в этом промышленном районе принимал все более широкие размеры. Таким образом, к последнему десятилетию XVIII в. Руан представлял для наблюдателя экономической и социальной жизни большой материал, раскрывавший различные противоречия капиталистической индустриализации.

Другого рода наблюдения, раскрывавшие иные стороны все той же буржуазной цивилизации, молодой Фурье мог сделать в Марселе, крупнейшем центре колониальной и мировой торговли²¹. В то время здесь получили большое развитие химическая, пищевая, текстильная и другие отрасли промышленности, которые перерабатывали преимущественно продукцию сельского хозяйства округа, а отчасти и привозное сырье. Но гораздо больше, чем промышленность, развита была в Марселе торговля как внутренняя, так и — преимущественно — заморская. В порт Марселя прибывали корабли из многих стран Европы и других континентов. Это был крупнейший в Европе порт по торговле зерном. Большое место в его торговом обороте занимал импорт колониальных товаров, хлопка и восточных тканей. Значителен и разнообразен был и экспорт: вина и ликеры, кондитерские изделия, сукна, фетр, обувь и другие промышленные товары. Торговля Марселя непрерывно росла и перед революцией достигла 180 млн. ливров, и его порт преуспевал больше, чем Бордо, Напт, Гавр и другие порты Франции. В связи с таким процветанием росло население Марселя, которое в 1789 г. со-

²¹ О Марселе предреволюционных и революционных лет см.: Julliany. *Esquisses historiques. Marseille depuis 1789 jusqu'en 1815*. 2 vls. Marseille, 1844; P. Masson. *Marseille depuis 1789*, t. I. *La Commune de Marseille de 1789 à 1814*. Paris, 1939; *Encyclopédie départementale des Bouches-du-Rhône*. Marseille.

ставляло около 120 тыс. жителей, в значительной части прибывших из различных областей страны. Марсельская буржуазия невероятно обогащалась не только и не столько на сбыте продукции своих промышленных предприятий, как на торговых операциях больших масштабов, спекуляциях и мошенничествах. В этом городе вырастали богатые дома, занимавшие целые улицы. Роскошь жизни, свобода нравов их обитателей не знали пределов. Наряду с этим особенно поражала крайняя нужда, зачастую предельная нищета массы рабочего люда. Такое положение не могло не способствовать возникновению в Марселе революционного движения, которое особенно развилось в кризисные годы, а с 1789 г. вылилось в форму уличных боев. В Марселе из состоятельной буржуазной молодежи составил знаменитый батальон 10 августа, но в Марселе же тем же летом 1792 г. развернулось рабочее движение, требовавшее свободы ассоциаций, коалиций и стачек и здесь же в это время особенно острой стала борьба против скупщиков и спекулянтов. При таком положении для наблюдательного и критически настроенного молодого человека, к тому же посвященного в закулисные тайны торговых махинаций, каким был Фурье, прибывший в Марсель в начале 1793 г., даже кратковременное пребывание в этом городе давало много материала для размышлений.

Наконец, еще один город, который Фурье посетил в связи со своими служебными делами в этот период, давал большие возможности аналогичных наблюдений над социально-экономической жизнью. Это был Бордо, также один из самых значительных в то время центров торговли²².

Бордо, старинный торговый город, особенно стал преуспевать в последней четверти XVIII в., в связи с благоприятствовавшей торговле и промышленности политикой Тюрго. В этот период он стал первоклассным портом, суда которого плавали по всем морям и океанам. Особенно обширны были заморские связи Бордо с Сан-Доминго, Гаити, Антильскими островами и другими заатлантическими колониями. После мира 1786 г. стала восстанавливаться и расширяться также его торговля с Англией. Наряду с обширным импортом колониальных товаров Бордо экспортировал в огромных количествах продукцию своей провинции, преимущественно вина. В связи с этим богатства бордоской буржуазии быстро росли, и город великолепием своих зданий — как частных, так и общественных, грандиозными планами переустройства и роскошью светской жизни производил сильное впечатление на всякого вновь прибывшего француза или иностранца²³. Экономическая мощь буржуазии этого города создавала основу для ее политической активности, которая особенно проявлялась в сопротивлении местного парламента произволу королевской власти в 1787—1788 гг. Революционное движение с 1789 г. захватило в Бордо широкие круги населения, но руководство им долго удерживали умеренные буржуазные политики, составившие впоследствии ядро жирондистской партии. Однако народное движение, направленное не только на политические, но и на социальные цели, движение, начавшееся с борьбы против высоких цен на хлеб и против скупщиков,

²² О Бордо в предреволюционный и революционный период см.: Bachelier. Histoire du commerce de Bordeaux. Bordeaux, 1862; A. Vivie. Histoire de la Terreur à Bordeaux. 2 vls. Bordeaux, 1877; T. Malvezin. Histoire du commerce à Bordeaux depuis les origines jusqu'à nos jours. 4 vls. Bordeaux, 1892; J. E. Felgar. Bordeaux pendant la Revolution («La Gironde», décembre 1893); A. Leroux. Etude critique sur le dix-huitième siècle à Bordeaux. Bordeaux, 1921.

²³ Весьма показательны в этом отношении свидетельства Артура Юнга: A. Young. Voyage en France en 1787, 1788 et 1789; vol. I. Paris, 1931.

спекуляции которых угрожали массам голодом, быстро развивалось, радикализировалось в ходе революции и переходило под влияние якобинцев. К 1792—1793 гг. экономические противоречия и социально-политическая борьба и здесь настолько обострились, что Фурье, посетивший в то время Бордо, несомненно мог почерпнуть в этом городе немало ценного для расширения своих наблюдений и углубления своих критических размышлений относительно современной ему буржуазной цивилизации.

* * *

Получивший в 1792 г., когда ему исполнилось двадцать лет, в соответствии с завещанием отца, первую часть наследства, Шарль Фурье, выполняя требования семьи, открыл в Лионе самостоятельную торговлю. В 1792—1793 гг. он совершил ряд деловых поездок как в пределах Франции (побывал снова в Руане, куда ездил еще в 1790 г., а также в Марселе и Бордо, где прежде не бывал), так и за границу — в Германию и Нидерланды. Эти поездки значительно расширили знакомство Фурье с буржуазной цивилизацией и тем, что он впоследствии признал главным ее стержнем, — торговлей. При этом ему больше открывались отрицательные ее стороны. Тем самым обогащался запас жизненных наблюдений, который он впоследствии использовал для построения своей теории.

В 1793 г., вскоре после возвращения в Лион из этих деловых поездок, карьера Фурье-коммерсанта неожиданно оборвалась, причем он потерял все свое состояние и чуть не поплатился жизнью. Во время организованного в 1793 г. лионской крупной буржуазией восстания против Конвента все товары Фурье, закупленные им в Марселе, были реквизированы по прибытии в Лион местными контрреволюционными властями, а сам молодой купец был принудительно мобилизован в войска мятежников. После взятия Лиона революционными войсками Фурье был арестован, но благодаря небольшой хитрости ему удалось спастись от угрожавшей смертной казни и бежать в Безансон.

Этот эпизод некоторые биографы пытались представить как причину приписываемой ими Фурье враждебности к революции. Между тем такое утверждение совершенно неверно: Фурье никогда не был контрреволюционером, хотя в ходе французской революции, разочаровавшись в возглавлявшихся на нее надеждах, утратил веру в революционное политическое действие как средство борьбы за социальное обновление. Неверие Фурье в революцию было вызвано не какой-то якобы охватившей его после лионских событий 1793 г. личной озлобленностью. Оно возникло значительно позднее и было обусловлено, как показано ниже, главным образом тем, что он видел только несостоятельность обещаний идеологов буржуазной революции, но не понимал прогрессивного исторического значения этой революции и творческих возможностей тогда лишь нарождавшейся новой революционной силы в лице сформировавшегося пролетариата. Впрочем, в тот момент всех этих мыслей у Фурье, которому был только 21 год, вообще еще не было. Неудача опыта самостоятельной торговли в Лионе не очень смутила его; наоборот, в некотором смысле он был даже доволен происшедшим, так как неожиданные события избавили его от ненавистного ему занятия. К революционной республике он не питал никакой злобы за пережитое: вернувшись в родной город, он вскоре вступил в ряды революционной армии, тем самым проявив себя как истый патриот.

Служба Фурье в армии была непродолжительной: 22 прериаля II года (10 июня 1794 г.) он был зачислен в 8-й коннострелковый полк, а 3 пловиоза IV года (24 января 1796 г.) был уволен по состоянию здоровья. Но и после увольнения он сохранял желание служить республике, в частности на военном поприще. Об этом свидетельствуют представленные им Директории проект реорганизации снабжения армии и план быстрого перехода армии через Альпы, который, судя по письму Карно к Фурье от 21 мессидора IV года, был Директорией принят с признательностью, причем заключавшиеся в нем замечания «привлекли ее особенное внимание»²⁴. Служба в армии вызвала у Фурье любовь к военному порядку и его красочным внешним атрибутам, особенно ярким в эти годы, когда революционные войска нередко участвовали в театрализованных народных празднествах, и это впоследствии отразилось на его планах построения и оформления различных «социетарных» организаций и некоторых их мероприятий.

Предложения, относящиеся к делам революционной армии, были первыми из ряда начинаний Фурье в области изобретательства и проектирования. Вскоре он выступил с идеей устройства рельсовой дороги, затем производил опыты по составлению красок, разработал новую систему музыкальных нот, дал план архитектурной реконструкции городов. Но осуществить что-либо из этих предложений не удавалось, и неудачливому изобретателю не оставалось никакой иной возможности зарабатывать на жизнь, как вернуться к работе в области торговли, несмотря на все свое отвращение к этой «мастерской лжи», как он ее прозвал. Фурье снова стал торговым служащим, и это вынужденное занятие ненавистным делом вызвало в нем не только глубокое недовольство своей личной судьбой, но и возмущение строем, который понуждал его заниматься нелюбимым лживым ремеслом. Возмущение это росло по мере того, как он все больше наблюдал окружающую жизнь во время своих поездок по делам торговых домов, в которых служил.

В 1796 г. Фурье вернулся в Лион, а затем побывал в Безансоне, и в обоих городах он видел торжество контрреволюции. Особенно заметно оно было здесь, в центрах департаментов, которые в 1795 г. дали наибольший процент контрреволюционных голосов при плебисците по поводу конституции III года. В 1796 г. в этих городах дело доходило даже до отказа принимать бумажные деньги революционных правительств. Как и в Париже, Марселе и других промышленных и торговых центрах, где Фурье пришлось побывать в 1796—1800 гг., здесь, в Лионе, перед ним открывалось во всем своем внешнем «великолепии» и внутренней отвратительности царство победившей крупной буржуазии²⁵.

Поражение революции, не оправдавшей возлагавшихся на нее надежд на создание разумного и справедливого общественного строя, и установление безграничного господства буржуазии, которое в годы Директории все больше и больше превращалось в господство хищников-спекулянтов, давало Фурье обильную пищу для социальной критики. Под внешним блеском «процветающей» Франции этих лет скрывалась эконо-

²⁴ A. Alhaiza. Charles Fourier et sa sociologie sociétaiре. Paris, 1911, p. 13.

²⁵ О Франции этого периода, помимо отмеченных выше общих работ по экономической, социальной и политической истории, см.: E. et J. Goucourt. Histoire de la société française pendant le Directoire. Paris, 1876; A. Aulard. L'état de la France en l'an VIII et en l'an IX. Documents. Paris, 1897; M. Marion. Histoire financière de la France, t. IV (1797—1918). Paris, 1927; G. Dejoint. La politique économique du Directoire. Paris, 1951.

мическая неурядица, порождавшая социальную и политическую неустойчивость и моральное вырождение. Лучшие земли находились в руках богачей, успевших скупить национальные имущества и тем самым не только сохранивших свои капиталы от обесценения в результате денежной инфляции, но и обеспечивших себе паразитическое существование за счет массы трудящихся земледельцев. Последние же, и без того извлекавшие из обрабатываемой ими земли, при низкой технике сельского хозяйства, слишком мало продуктов для поддержания своего существования, оказывались еще жертвами спекулятивных махинаций скупщиков зерна и бандитов, сплошь и рядом грабивших на больших дорогах. Трудящиеся городов были еще в худшем положении: провозглашенная буржуазным государством «свобода труда» лишила рабочих возможности коллективной защиты своих прав и отдала их полностью на произвол хищных работодателей, обрекая их на преждевременную гибель от изнурительного труда, нужды и безработицы. Безудержная спекуляция и ажиотаж, злостные банкротства и всевозможные мошеннические проделки, становясь все более и более распространенными, разрушали деловую жизнь и ввергали в бедствия огромные массы людей. Средние слои разорялись в условиях экономических кризисов, банкротства государства и невероятной затрудненности кредита. В общем в стране углублялись социальные противоречия и создавалось положение, при котором процветали только крупные капиталисты, спекулянты, ростовщики и прочие хищники, а вся масса народа — крестьяне, рабочие и мелкая и средняя городская буржуазия — в большей или меньшей мере бедствовали и нередко покидали свою родину, чтобы в эмиграции искать лучших условий существования.

Наблюдая все эти социальные противоречия, которые в Лионе, куда он после трехлетнего отсутствия вернулся в 1796 г., проявлялись в период термидорианской реакции еще в большей мере, чем в каком-либо ином городе Франции, Фурье обогащал материал своей социальной критики и утверждался на своих позициях отрицания не только противоречивого и чреватого социальными бедствиями строя, буржуазной «цивилизации», но и отрицания политико-революционного пути к общественному переустройству, поскольку именно политическая революция, как ему, очевидно, казалось, привела к утверждению этого строя. Пребывание в последующие годы (1797—1800) в Париже, Марселе и других городах показывало Фурье, что все эти последствия буржуазной политики и отвратительные проявления буржуазной «цивилизации» повсеместны. Если к тому же добавить, что Фурье по характеру своему был вообще склонен больше к размышлениям, чем к действиям, то станет понятно, что переживания предшествующих лет якобинской диктатуры и наблюдения жизни в годы господства термидорианской реакции привели к тому, что он формировался не как борец-революционер, а как теоретизирующий критик-мыслитель.

Буржуазная среда, в которой он воспитывался и жил, ограничивала политический кругозор Фурье. Он не остался чужд господствовавшему в этой среде после термидора враждебному отношению к революционному действию народных масс и к якобинской диктатуре. Некоторую роль в укреплении таких настроений Фурье в то время сыграли, быть может, также его воспоминания о пережитом в период жестокого подавления контрреволюционного мятежа в Лионе. Но это почти не сказалось на оценке им общего исторического значения недавней революции, в ходе которой, как он отметил в одной из своих тетрадей, включающей

написанное в 1803 г., «род человеческий подошел к своему освобождению, порядок цивилизации, варварства и дикости исчез бы навсегда», если бы не «политическая робость Конвента», который «сел на мель на виду порта»²⁶. Из наблюдений и размышлений революционного периода возникли следующие записи Фурье: «Первое из цивилизованных государств ниспровергло все проявления социального шарлатанства: трон, священство, феодальные отношения, биржевая игра — все рухнуло сразу. Казалось, что огромное тело народа собиралось очистить себя от всех иссушавших его язв. Это был Геркулес, с грохотом стряхивающий с себя подавляющее его Атласово бремя. Если б этот кризис не был запятнан предумышленными убийствами, это было бы достославной эпохой политики; но последняя не сумела изобрести социальный порядок, более высокий, чем строй цивилизации, который она разрушила. Социальное движение выродилось в направлении строя варварства вместо того, чтобы подняться выше строя цивилизации, и человечество, после кровавых усилий, направленных к тому, чтобы порвать свои цепи, увидело, что цепи эти затянуты еще теснее»²⁷.

Фурье не был революционным деятелем, хотя принадлежал к числу тех мыслителей, которые, по словам Маркса и Энгельса, «были во многих отношениях революционны»²⁸. Осуждая строй «цивилизации» с его экономическими и социальными противоречиями и видя в совершившейся на его глазах революции порожденную этим строем «войну бедного против богатого», которая, однако, не привела к коренному переустройству общества, этот революционер мысли, как и другие выдающиеся социалистические мыслители того времени, под влиянием общего разочарования в революции занял позицию отрицания революционного насилия как орудия социального прогресса. Он верил в возможность своего рода «мирной революции», кратковременного и легкого, верного и безболезненного скачка к новому общественному строю, подготовленного наукой, теоретическим и опытным доказательством. Сам он желал, чтобы переход от существующего к более высокому общественному строю совершился именно таким путем, но сомнения в том, что это его желание осуществится, у него оставались. Поэтому среди возможных «выходов из строя цивилизации» Фурье предусматривал и выход путем принуждения²⁹, полагая, что человек строя цивилизации — это «существо без разума», которое «использует свободу только для того, чтобы становиться на сторону зла», так что «ради его собственного блага надобно применить к нему средства принуждения»³⁰.

Вопрос об отношении Фурье к французской революции и к отдельным выявившимся в процессе ее развития направлениям революционного действия еще не изучен, хотя в специальной литературе указывалось на связь некоторых идей Фурье с идеями, рождавшимися в ходе развития революции, в частности с бабуvistasкими планами³¹. Пока нам известно еще далеко не все, что необходимо для полного и всестороннего выяснения этого вопроса. Исследовательская работа в этом направлении, особенно по изучению архивов Фурье и современников, с которыми

²⁶ Publication des manuscrits de Ch. Fourier, 1851, p. 313.

²⁷ Ibid., p. 312—313.

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 456.

²⁹ Manuscrits de Fourier. Des diverses issues de Civilisation. «Phalange», t. X, 1849, p. 189—190.

³⁰ Œuvres complètes de Ch. Fourier, t. X, p. 448.

³¹ A. Saitta. Fourier e l'Armonia. «Belfagor», 1947, p. 281; его же. Filippo Buonarroti, vol. I. Roma, 1950, p. 131.

он общался, и данных о среде, в которой он вращался в революционные и первые пореволюционные годы, могла бы, вероятно, открыть много важного не только для освещения пути становления идей Фурье, но и для выяснения связи между французской социалистической мыслью последнего десятилетия XVIII в. и утопическим социализмом первой половины XIX столетия. Но пока это не сделано, приходится ограничиться использованием тех сведений, которые уже стали достоянием исторической науки.

Пережитые Фурье события революционных лет и его жизненные наблюдения в послереволюционные годы раскрывали факты вопиющей несправедливости и несправедливости утвердившегося строя общества, и это толкало его к дальнейшим размышлениям над социальными проблемами. Впоследствии Фурье шутя отмечал, что именно навязанная ему обстоятельствами отталкивающая работа помогла ему разобраться в экономических и социальных вопросах и направила его мысли на верный путь. Широко известен рассказанный им самим эпизод, который, по словам Фурье, привел к «открытию» его теории. Молодой коммивояжер приехал по делам в Париж из местности, богатой яблоками, и здесь, в столице, он увидел, что яблоки, которые там можно купить за су восемь штук, продаются по десять су за штуку. Отсюда он сделал вывод, что система распределения благ при существующем строе в корне порочна. Другой факт еще больше убедил его в правильности этого вывода. В начале 1799 г., будучи в Марселе по поручению торгового дома, где он служил, Фурье получил поручение тайком выбросить в море большой груз начавшего гнить риса, который хозяева прежде скупили и припрятали с целью чудовищной спекуляции во время голода, переживаемого страной. 27-летний молодой человек был потрясен: он окончательно убедился в преступности, в противочеловечности существующего строя.

Фурье начал разрабатывать свое учение и почти целиком разработал его в годы своего длительного проживания в Лионе, где он пробыл с 1800 по 1815 г. Это были годы Консульства и Империи, годы упрочения во Франции господства контрреволюционной буржуазии и быстрого развития капиталистической промышленности³².

В области сельского хозяйства Франции в этот период было заметно несомненное развитие: с распространением севооборота повысилась продукция зерновых хлебов; значительное расширение площади виноградников привело к росту производства вина; получил широкое распространение картофель; увеличилось разведение льна и других технических культур; сильно выросло скотоводство, в частности разведение мериносов; в несколько раз увеличился сбор коконов шелковичного червя. Однако, несмотря на эти достижения, французское сельское хозяйство оставалось технически отсталым: раздробленность землевладения, обремененность крестьянской parcelлы налогами и зависимость

³² Об экономической и социальной истории Франции периода Консульства и Империи, кроме указанных выше общих трудов, см.: В. П. Волгин. Социально-экономический строй Франции при Наполеоне I. «Отечественная война и русское общество», т. I. М., 1912, стр. 103—117; G. Pariset. Le Consulat et l'Empire (1799—1815). Paris, 1921; Ch. Ballot. L'introduction du machinisme dans l'industrie française. Lille—Paris, 1923; M. Marion. Histoire financière de la France, t. IV; E. В. Тарле. Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства. М., 1928; O. Viennet. Napoléon et l'industrie française. Paris, 1947; A. Chabert. Essai sur le mouvement des revenus et de l'activité économique en France de 1798 à 1820. Paris, 1948

е от ростовщиков, торговцев и промышленников, беспощадно выкачивавших из труда земледельца прибыль, наконец, все усиливавшиеся наборы мужской молодежи в императорскую армию — все это задерживало прогресс крестьянского хозяйства и оставляло массу крестьянства в состоянии постоянной нужды и невежества. Сильно страдала и торговля, которая оказалась полностью связана за пределами страны политикой «континентальной блокады», а внутри страны — полицейской регламентацией, особенно в области торговли продовольствием; к тому же на ней пагубно отражались частые и длительные кризисы. Зато промышленность Франции оказалась в более благоприятных для ее развития условиях: ограничение или полное прекращение импорта товаров, увеличение возможностей экспорта, рост производства сырья внутри страны, введение стабильной финансовой системы, улучшение средств сообщения, появление новой усовершенствованной техники, основанной на новейших достижениях науки, и т. д. С введением механического прядения и новых ткацких станков быстро расширялась хлопчатобумажная промышленность, улучшалось прядение и тканье льна и шерсти, развивалась шелковая промышленность. Сильно выросла в этот период французская металлургия, особенно в области чугунного литья и производства сортового железа. Совершенствовалось и расширялось производство химических продуктов; возникло и делало большие успехи фарфоровое производство; развивались и иные, менее значительные отрасли промышленности. Однако научные открытия, технические изобретения, усовершенствование и расширение промышленного производства не только не улучшали материального и морального положения народных масс, но даже сопровождалось заметным его ухудшением. При всей системе регламентирования экономической жизни, наполеоновское правительство сохранило так называемую «свободу труда», запретило рабочие стачки, ввело обязательные расчетные книжки и другие мероприятия, которые обезоруживали рабочих. Неустойчивость конъюнктуры в ряде отраслей промышленности, экономические кризисы, последствия введения усовершенствованных станков порождали массовую безработицу, усиливали эксплуатацию труда, в частности детского и женского. Положение рабочих ухудшалось еще и в связи с тем, что, несмотря на некоторое повышение номинальной заработной платы, реальная ценность последней падала вследствие значительно большего роста цен на продукты первой необходимости. Наряду с рабочими, хотя и в незначительно меньшей степени, страдали от крупнокапиталистического развития Франции в период Империи также ремесленники и прочий городской мелкий люд. Однако в этот период классовая борьба, несмотря на наличие больших экономических и социальных противоречий, еще не приняла отчетливых и резких форм, поскольку как у пролетариата, так и у мелкой буржуазии еще не оформилось сознание своих классовых интересов и общих целей.

Все эти явления Фурье мог наблюдать — и несомненно внимательно наблюдал — в этот период, когда его интерес к проблемам экономического и социального порядка уже достаточно созрел. Лион, где он провел все годы Консульства и Империи, в наибольшей мере сосредоточивал в себе почти все только что отмеченные, характерные для этого периода процессы, которые нашли отражение в социальной критике Фурье. Этот крупнейший промышленный и торговый центр страны, один из центров напряженной социальной борьбы, стал творческой

лабораторией Фурье, в которой он находил не только материал для социальной критики, но и зародыши конструктивных идей для своего плана преобразования производственных и общественных отношений.

В Лионе первых полутора десятилетий XIX в.³³ Фурье наблюдал быстрое развитие крупной промышленности в связи с применением новых научных открытий и технических изобретений. Но все научно-технические усовершенствования производства давали выгоду только купцам-предпринимателям, тогда как для рабочих-мастеров и для остальной массы рабочих они приносили лишь новые бедствия. По мере внедрения нового станка Жакара заработок мастера-ткача резко падал, тогда как требовавшаяся от него интенсивность труда повышалась. Сокращение необходимого числа подручных и возрастающее применение детского труда (в Лионе посылались на работу в мастерские или же работали у станков дома дети в возрасте от 7 лет) приводили к увеличению числа безработных, к росту резервной армии труда, к общему росту нужды среди рабочего населения, не говоря уже о том, что подрастающее поколение лишалось возможности образования. Во время кризисов безработица охватывала огромную часть лионских трудящихся (в 1811 г. около половины лионских рабочих оказались без работы). Спекуляция, ажиотаж и иные «деловые» махинации, которые процветали в Лионе как ни в одном другом городе Франции, порождали рост дороговизны, а это обрекало массу лионских трудящихся на голодное или полуголодное существование. Между тем господствующие слои лионской буржуазии, которые в послереволюционный период всякими честными, а чаще нечестными путями нажили огромные состояния, жили с вызывающей роскошью среди окружающего моря нищеты. Все это еще более увеличивало классовые противоречия в этом городе и делало его сгустком противоречий буржуазной цивилизации того времени в целом.

В этих-то условиях Лиона Консульства и Империи для Фурье, который под влиянием наблюдений над экономическим и социальным, моральным и политическим развитием Франции все больше и больше проникался мыслями о порочности существующего строя, началась новая жизнь. Это была двойная жизнь: с одной стороны — тихая и незаметная жизнь скромного купеческого приказчика; с другой стороны — жизнь мыслителя, который беспощадно разоблачал все зло существующего общества, ставил величайшие вопросы о судьбах человечества и вселенной и в поисках выхода приходил к идее всемирного единства. Обреченный, как и все люди труда, на однообразное и полное лишений существование, он силой своего критического ума глубоко проникал в прошлое и существующее и в своих мечтах творил новый мир, мир всеобщего счастья

* * *

Свои думы, родившиеся в столкновении с неразумным и несправедливым, порочным и отталкивающим «миром навыворот», молодой мыслитель долго не решался поведать обществу. Хотя с 1800 г. он занимался, между прочим, и литературной деятельностью, пытался осно-

³³ О Лионе этого периода см в указанных выше работах Монфалькона, Паризэ, Шарлети и др., а также в специальной статье: E. Richard. Une page de la vie lyonnaise sous le premier Empire. «Revue du Lyonnais», 1895, t 19, p 113—133 et 221—238.

вать новую газету³⁴, а когда это издание не было разрешено властями, стал писать различные статьи, заметки и стихи³⁵, все же до конца 1803 г. Фурье не выступал в печати со своими мыслями о социальном движении.

Непосредственным толчком к первому печатному выступлению Фурье со своим «открытием» было следующее маленькое событие. Во время любительского литературного турнира Фурье однажды в нескольких строчках стихотворного экспромта выдал предмет своих размышлений. Молодежь заставила его рассказать о своем проекте новой системы человеческих отношений и, удовлетворив праздное любопытство, весело посмеялась над чудачком-мечтателем. Одна из молодых любительниц литературы, которых Фурье перед тем задевал в своих стихотворных сатирах, иронически назвала его «важным мыслителем, всемирным гением», который, «уклоняясь от общего пути», «собирается разбить алтарь предрассудков», причем «во все, как и в свои эпиграммы, кладет зерно безумия вместо зерна соли»³⁶. В послании другой участницы турнира изливание симпатий сопровождалось вызовом: «Гармония! Я хочу упрекнуть Вас за пренебрежение к этому слову. Я потребую от Вас отчета о Ваших работах о социальной гармонии, которая должна прийти на смену цивилизации. Вы обещаете нам огромные блага при этом новом состоянии. Но будут ли они стоить тех, которыми я наслаждаюсь?..»³⁷. На этот вызов Фурье дал галантный ответ в стихах, но тут же серьезно призадумался: нужные слова — «всеобщее уклонение», «гармония», «социальная гармония» — были ему подсказаны, название нового строя было найдено. Несколько дней спустя первая статья Фурье с изложением его идей о социальных судьбах человечества была готова.

Статья эта появилась в одной из лионских газет 3 декабря 1803 г. под заглавием «Harmonie universelle»³⁸. Начиналась она с заявления об «открытии, на которое род человеческий далеко не рассчитывал», и с утверждения, что «это — математическая теория о судьбах всех планет и их обитателей, теория о шестнадцати общественных порядках, которые могут устанавливаться на различных планетах на протяжении вечности»³⁹. Далее Фурье отмечал, что «из шестнадцати возможных общественных укладов на нашей планете можно видеть только три — дикость, варварство и цивилизацию», и возвещал, что «в ближайшем будущем они кончатся, и все народы Земли перейдут к пятнадцатому обществу, каковым является простая гармония»⁴⁰. Обращаясь к великим людям прошлого и называя из них Ньютона и Лейбница, Вольтера и Руссо, Фурье утверждал, что величие их —

³⁴ «Journal de Lyon et du département du Rhône». Prospectus. 23 thermidor an VIII (11 août 1800).

³⁵ «Journal de Lyon et du Midi», 22 décembre 1801 — 20 mars 1802; «Bulletin de Lyon». 1803—1804: 1, 8, 11, 15 et 24 frimaire, 4, 20 et 27 nivôse an XI; «Journal de Lyon, Nouvelles de la France et de l'Étranger», 2, 5 et 7 nivôse an XII

³⁶ La Belle Cordière. Conversation sur l'homme du jour. «Bulletin de Lyon» 2 nivôse an XII; H Bourgin. Fourier, p. 145.

³⁷ J**ne. A. M. Fourier, auteur d'une satire sur les Lyonnaises. «Bulletin de Lyon», 11 frimaire an XI; A. Ducoin. Particularités inconnues sur quelques personnages du XVIIIe et du XIXe siècle. «Le Correspondant», 25 janvier et 10 février 1851; Pellarin. Vie de Fourier. Paris, 1874, p. 186.

³⁸ «Bulletin de Lyon», 11 frimaire an XII; Publication des manuscrits de Ch. Fourier, Paris, 1854, p. 52—53.

³⁹ Publication des manuscrits de Ch. Fourier, 1851, p. 52.

⁴⁰ Ibidem.

только в слепоте, поскольку они полагали, что цивилизация — это социальное предназначение человеческого рода, и даже не подозревали, что «эти три общества — дикое, варварское и цивилизованное — являются ступенями к тому, чтобы подняться выше», к тем общественным порядкам, которые, в отличие от этих трех, самых губительных из всех шестнадцати возможных, «устанавливают вечный мир, всемирное единство, свободу женщин и ведут человечество к счастью»⁴¹.

Такое «удивительное открытие» (так автор сам называл здесь свою концепцию исторического развития человечества) Фурье приписывал тому «аналитическому и синтетическому исчислению притяжения по страсти», которым он занялся, тогда как ученые на протяжении тысячелетий пренебрегали им. Фурье признавал, что «они открыли законы материального движения», что «это хорошо, но это не уничтожает бедности», а потому «следовало открыть законы социального движения», поскольку открытие их «поведет род человеческий к богатству, к высоким наслаждениям, к единству земного шара»⁴². Это — дело новой науки, теории, которая, как полагал Фурье, «не будет произвольной доктриной, какими являются политические и моральные науки, идущие к печальному концу»; «эта теория будет математической и подходящей к физическим наукам»⁴³.

В связи с последствиями его «открытия» должны, по предположению Фурье, произойти крупнейшие сдвиги в международной жизни. Войны станут достойными сожаления более чем когда-либо, ибо победа лишена смысла, коль скоро «весь земной шар составит одну только нацию, и будет одна только администрация»⁴⁴. Однако, рисуя такое прядущее единство человечества при строе гармонии, Фурье добавлял, что «несмотря на это единство, при гармонии не будет никакого равенства»⁴⁵. Уже тогда он противопоставлял свое требование «гармонии неравенств» эгалитарным принципам, провозглашенным некоторыми социальными теориями XVIII в.

Заканчивалась статья о «всемирной гармонии» ответом тем, кто будет кричать, что все это — лишь сновидение, что автор — мечтатель. «Терпенье! — восклицал Фурье. — Еще немного, и мы пробудим их самих от ужасного сновидения, от сновидения цивилизации. Слепые ученые, смотрите на ваши города, усеянные нищими, на ваших граждан, борющихся с голодом, на ваши поля войны и на все ваши социальные гнусности. Думаете ли вы, после всего этого, что цивилизация — удел рода человеческого, или же прав был Ж.-Ж. Руссо, когда он говорил о людях строя цивилизации: „Дело здесь не в людях, тут какой-то переворот, в причину которого мы не в состоянии проникнуть!“»⁴⁶.

Таким образом, в статье Фурье, написанной еще в 1803 г., несмотря на небольшой ее объем, в зародышевой форме заключены уже все основные положения социальной философии, которую он позднее дал в развернутом виде: признание недостаточности и даже полной несостоятельности прежних философских и политических систем; провозглашение необходимости новой социальной науки, основанной, подобно

⁴¹ Publication des manuscrits de Ch. Fourier, 1851, p. 52.

⁴² Ibid., p. 52—53.

⁴³ Ibid., p. 53.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ Ibid.

наукам физическим, на математических принципах и дающей анализ и синтез «притяжения по страсти» как основы социального движения; установление монистического взгляда на развитие вселенной, земного шара и человечества и определение при помощи новой науки «мировых судеб», хода исторического развития; утверждение необходимой, закономерной и последовательной смены общественных структур в исторической жизни человечества; критика существующего строя «цивилизации» как строя не только неразумного, несправедливого и невыгодного, но и как строя преходящего, представляющего лишь ступень к более высокому общественному строю; наконец, провозвешение грядущего строя гармонии (сначала простой, потом сложной), который, не устраняя неравенства между людьми (поскольку оно, по мнению Фурье, естественно и необходимо), приведет их к согласию и единению и принесет человечеству богатство и наслаждение для всех, вечный мир и мировое единство.

Две недели спустя после появления этой первой социально-философской статьи Фурье, 17 декабря 1803 г., в той же лионской газете была напечатана другая значительная статья его, посвященная международной политической ситуации в Европе и перспективам ее развития⁴⁷. Начинаящий журналист высказывал здесь интереснейшие мысли о путях международной политики того времени, заявляя, что «Европа подходит к катастрофе, которая вызовет ужасную войну и закончится вечным миром»⁴⁸. Рассматривая соотношение сил четырех крупнейших европейских континентальных держав — Франции, России, Австрии и Пруссии, он предсказывал уничтожение двух последних как более слабых и борьбу Франции с Россией за мировое господство. Этот свой прогноз Фурье завершал новой филиппикой по адресу современных ему писателей и ученых, которые, по его словам, неспособны предвидеть даже близкое будущее. «Вот каков, — восклицал он, — удар, который угрожает Западу. А вы, публицисты, не предвидящие этого кризиса, разве вы не дети, которых следует отослать в школу? Сколько готовится других событий, которых вы совершенно не предвидели!.. Доверию к вам приходит конец. Вы заседаете в академиях рядом с людьми, которые учат истине, рядом с физиками и математиками, — готовьтесь вступить в небытие. Истина, которую вы ищете на протяжении двух с половиной тысячелетий, вскоре появится, к вашему замешательству; политические и моральные науки держались дольше, чем им положено существовать...»⁴⁹. Такая концовка статьи о «континентальном триумвирате» показывала, что это яркое публицистическое выступление по вопросам актуальной политики было для Фурье тесно связано с размышлениями над проблемами более широкого значения. Уже тогда он считал основной целью своей жизни разработку той «социальной науки», необходимость и возможность которой была возвещена в его статье о «всемирной гармонии». Через месяц статьи Фурье перестали появляться в газетах, так как молодой мыслитель целиком отдался работе над своим социальным учением. Он сознавал, что предпринятый труд очень велик, что он требует много времени и

⁴⁷ *Triumvirat continental et paix perpétuelle sous trente ans. «Bulletin de Lyon», 25 frimaire an XII; «La Phalange», 2e série, t. 2, p. sqq.; Œuvres complètes de Ch. Fourier, t. I, p. 457—460.*

⁴⁸ *Œuvres complètes de Ch. Fourier, t. I, p. 457.*

⁴⁹ *Ibid.*, p. 459.

знаний, между тем как свободного времени было слишком мало, а зна- ний явно не хватало.

В юности Фурье читал много и прекрасно запоминал прочитанное, так что впоследствии он мог на память цитировать, хотя иногда и с ошибками, многих древних и новых авторов. Предпочитал он поэтов, особенно тех, которые разоблачали пороки общества,— больше всего Горация, Лафонтена, Мольера, Вольтера. По окончании школы, кото- рая в то время давала знания крайне ограниченные, Фурье никогда не имел возможности заниматься дальнейшим систематическим обра- зованием. К тому же и сам он не был склонен к последовательному чтению и предпочитал изучать не книги, против которых он часто пи- тал предубеждение, а живую действительность. Однако Фурье никогда не отказывался обращаться к книгам, если только можно было расчи- тывать, что из этих книг удастся почерпнуть что-либо полезное для разрабатываемой им теории. Даже позднее, в 1818 г., когда эта теория была уже давно опубликована, он писал своему другу Мюйрону: «Я не остановлюсь перед тем, чтобы обратиться за справками к кни- гам, которые вы мне указываете»⁵⁰. Но на этом пути перед Фурье стояли препятствия иного, не внутреннего, а внешнего порядка: изу- чение даже тех книг, которые он считал заслуживающими внимания, было ему практически недоступно. «Затрачивая свои дни на то, чтобы служить плутням торговцев и дуреть или тупеть в обманных и унизи- тельных действиях,— читаем мы в одной из посмертно опубликованных рукописей Фурье,— я не мог использовать ночи, чтобы приобщиться к истинным наукам с целью применить их к моей теории, основанной на страстях»⁵¹. В этот период Фурье читал очень мало, да и позднее, когда у него было больше возможностей для чтения, он ограничивался почти только тем, что ежедневно просматривал газеты и журналы. К тому же читал он без какой-либо системы и последовательности, обычно несколько произведений одновременно, берясь то за одно, то за другое, в зависимости от настроения. Писал Фурье с увлечением и много, но также по настроению: обычно на столе у него лежало не- сколько начатых работ, и он брался то за одну, то за другую, но, когда писал, сосредоточивался на одном, оставляя в этот момент все остальное.

Как показывают специальные исследования Ю. Буржена⁵², Фурье, по-видимому, не читал в подлинниках многочисленных писателей, которых он упоминает, даже тех, на которые он ссылается, кого цити- рует и о ком высказывает свое суждение. Все интеллектуальные при- обретения Фурье, извлеченные из книг после окончания школы, дела- лись в читальных залах библиотек урывками в немногие свободные от служебной работы часы. И все же, несмотря на такие неблагоприятные условия, мешавшие ему серьезно изучать необходимую для предпри- нятого труда литературу, Фурье успел различными путями извлечь немало сведений. Благодаря своему острому уму, он умел из случай- ного и отрывочного чтения книг, журналов и газет и из полученных устным путем сведений схватывать основное, существенное; умел со- ставлять себе представление о философах, экономистах и политиках, моралистах и педагогах своего времени; умел при всем этом извлекать и использовать в подтверждение своих идей те или иные попадавшиеся

⁵⁰ Ch. Pellarin. Vie de Fourier, p. 142—143.

⁵¹ Publication des manuscrits de Ch. Fourier, 1851, p. 23.

⁵² H. Bourgin. Fourier, p. 56—136; его же Étude sur les sources de Fourier. Paris, 1905.

ему их высказывания. И в то же время его жадный ум впитывал и творчески перерабатывал философские и социальные идеи, которыми так богата была его эпоха, идеи, которые «посились в воздухе» тогдашней Франции, особенно в таком торговом, промышленном и культурном центре, как Лион. Но самым главным, основным источником, из которого Фурье черпал материал для обоснования своего учения, были и оставались его собственные наблюдения над экономической и социальной, политической и моральной жизнью того времени, которым благоприятствовала его работа в области торговли, связанная с длительным пребыванием в Лионе и с поездками по различным городам Франции и соседних стран. Именно в послереволюционном Лионе Фурье мог черпать богатейший материал для начатой им задолго до того критики буржуазной цивилизации, утвердившейся после революции XVIII в. Именно здесь он видел большую часть тех явлений, которые он с такой силой вскрывал в своих больших произведениях, написанных в годы пребывания в Лионе либо несколько позднее. Господство буржуазной частной собственности и порожденные ею основные пороки индивидуального производства, борьба каждого против всех и борьба различных социальных классов, а также общие противоречия всей системы капиталистического производства в целом, которые Фурье обозначал как «порочный круг», отмечены в его «*Traité de l'Association*», хоть и написанном во время его пребывания в Белле, но несомненно на основе наблюдений, сделанных преимущественно в Лионе. В этом же произведении мы находим описание несчастий пролетария, разоблачение паразитических элементов общества, выявление растущего господства финансового капитала. Здесь же Фурье разоблачал лживость буржуазной демагогии и извращенность буржуазных наук и указывал, что в условиях буржуазной цивилизации научные открытия и технические изобретения обращаются во вред огромной массе народа. Если критика буржуазной морали достаточно ярко выражена уже в первой книге Фурье — в его «*Théorie des quatre mouvements*», написанной в первые годы XIX в., а экономическая и социальная критика буржуазной цивилизации развернута в полной мере лишь в более позднем произведении — в «*Traité de l'Association*», то это именно потому, что для первой ему достаточно было наблюдений, накопленных в предшествующие годы, особенно в период Директории и Консульства, тогда как вторая требовала более обширных данных, какие ему удалось собрать лишь позднее.

В Лионе же, в первые полтора десятилетия XIX столетия, созрел в мыслях Фурье и его «социетарный план», сделавший впоследствии имя «изобретателя» бессмертным. Фурье пришел уже в этот период к ряду идей, которые он выдвинул в первых двух своих больших произведениях: о праве на труд и праве на хлеб, об огромных возможностях умножения продукции и достижения благосостояния для всех при строе ассоциации, о сочетании при этом строе индивидуального интереса с интересом коллективным, об организации привлекательного труда, о производственном соревновании, о трудовых армиях и их работах по преобразованию лица земли, о ликвидации разрыва между городом и деревней, о формировании всестороннего, целостного человека, члена свободного трудового коллектива, наконец, о блестящем расцвете культуры объединенного человечества.

Великий мечтатель разрабатывал свой план с такой убеждающей конкретностью и с такой силой воображения, что для него самого мечта становилась реальностью и порой начинала казаться ему даже более

реальной, чем окружающая действительность. В этот мир мечты, мир грядущего, он все больше и больше уходил. Мир мечты Фурье был совершенно противоположен окружающему его реальному миру: здесь не было угнетенных трудящихся и господствующих бездельников, — все оказывались свободными и все трудились, следуя своему природному влечению, «притяжению по страсти»; здесь не было эгоистической борьбы всех против всех, вместо нее царил полная гармония личности и коллектива и свободное соревнование членов общества в коллективном труде на благо всех и каждого. Этот мир мечты приносил и личное удовлетворение самому его «открывателю»: из-за вечной нужды привыкший к скудному и невзыскательному столу, он мог здесь изощряться в гурманстве; всегда плохо одетый и осужденный жить в бедной обстановке, он создавал здесь великолепные дворцы, изумительные цветники, красочные костюмы, веселые празднества, пышные парады. Никогда не испытывавший радости глубокой любви и радости быть любимым, он рисовал себе жизненное богатство наслаждающихся свободной, полноценной любовью женщин и мужчин; трагически одинокий в этом раздробленном обществе, он мечтал о «социальном очаровании» коллектива, в котором расцветающая человеческая личность полностью реализует все свои возможности.

Исключительная наблюдательность и высокая творческая активность Фурье позволяли ему максимально использовать все представлявшиеся ему возможности и, несмотря на необходимость затрачивать так много времени и сил на неприятный и утомительный труд ради существования, отдаться делу своей жизни — созданию нового социального учения. Эта работа полностью захватила мысль Фурье, хотя отдаться ей целиком он не мог. Пятилетие, которое прошло со дня опубликования его статьи «Всемирная гармония» до появления в свет выпущенной анонимно брошюры «О торговом шарлатанстве» и объемистой книги «Теория четырех движений и всеобщих судеб», было для него порой самого напряженного труда. Недостаток книжных знаний при этом не особенно смущал его, — наоборот, он считал это обстоятельство даже своим преимуществом. «Я, — писал он впоследствии, — вероятно, заблудился бы, как многие другие, которые потерпели неудачу под этим знаменем, стараясь приобрести эти бирюльки стили и метода чтением образцов или якобы образцов политической мудрости и красноречия. Я бы прivityк заниматься идеями других. Наука вела бы меня к противоречию с инстинктом. Схоластические дискуссии втянули бы меня в некую игру словопрений, ибо у меня была склонность заниматься политической и торгашеской экономией. А что от этого выиграл бы новый век? Вместо того, чтоб обладать теорией притяжения и судеб, он извлек бы из моих ночных трудов некую хитрость экономиста, направленную на то, чтобы выжимать последнее из народов, и так уже достаточно раздавленных налогами. Итак, именно по причине моего невежества наш век должен благодарить судьбу, которая, отрывая меня от учения для того, чтоб удалить и заключить в банковские конторы, заставила меня возделывать свою собственную почву, пренебрегать словопрениями других, чтобы заняться только своими собственными идеями и привести в полноценное действие изобретательный ум, которым природа меня одарила: он оказался бы парализованным, если бы занятия софистикой стали ему поперец пути»⁵³.

Из этих слов Фурье нельзя делать вывод о его негативном отношении к науке вообще. Ясно, что он имел здесь в виду не всякую науку, а лишь те, которые он называл «науками неверными, пустыми, извращенными и обманными». К наукам же «точным и устойчивым», каковыми он считал прежде всего естественные науки, Фурье питал глубокое уважение. Он верил в науку, в ее безграничные возможности и хотел применить метод естественных наук в области изучения общественных явлений: не диктовать природе свои произвольные, умозрительно сочиненные законы, а изучить действующие естественные законы, постичь их и, следуя им, использовать природу на благо человека. Поэтому-то, как бы бравируя своим «невежеством в отношении неверных наук», Фурье в то же время жалел, что условия существования «сержанта лавки» лишали его возможности «приобщиться к истинным наукам»⁵⁴.

Результатом обусловленных такими обстоятельствами неполноценных исследований, основанных на недостаточных наблюдениях и размышлениях и на весьма ограниченных теоретических знаниях, были первые два произведения Фурье, вышедшие в Лионе отдельными изданиями в 1807—1808 гг.: памфлет «О торговом шарлатанстве»⁵⁵ и книга «Теория четырех движений и всеобщих судеб»⁵⁶. Сочинения эти были выпущены в свет анонимно (только в объявлении о книге значилось имя автора: Шарль), а в качестве места издания из предосторожности обозначено: Лейпциг. Бичующий торговлю памфлет Фурье, при всех его достоинствах, был лишь незначительным и частным побочным продуктом большого трактата, представленного в исключительно своеобразной книге, замечательной по глубине и верности многих заключенных в ней идей, но в то же время поразительной по фантастичности своего содержания и экстравагантности литературного и технического оформления. В этой книге Фурье впервые дает изложение своего мировоззрения: учение о человеке, концепцию исторического развития человечества, критику существующего строя и взгляды на будущее.

Поскольку Фурье жил в эпоху, когда капиталистический строй и пролетариат были еще слабо развиты, он, как и другие авторы теорий раннего социализма, был вынужден прибегать к вымыслу при конструировании элементов будущего общества, о котором он мечтал. Контуры последнего еще не вырисовывались ясно в недрах современного ему общества, как не определилась еще и роль носителя будущего общества — пролетариата. При таких исторических условиях склонность Фурье к фантазированию получила особенно широкое развитие. Фантастика, столь характерная для всех его произведений, с наибольшей силой проявилась в «Теории четырех движений», которая в этом отношении может быть рассматриваема в одном ряду с философскими романами XVII—XVIII вв., разновидностью которых является это сочинение. Это — литературное явление того же порядка, что и фантастика в «Путешествиях Гулливера» Свифта, в «Годах учения и странствования Вильгельма Мейстера» Гете, в «Замкнутом государстве» Фихте, во

⁵⁴ Ibid., p. 23.

⁵⁵ Sur les charlataneries commerciales [Lyon, 1807]. Эта маленькая брошюра, напечатанная, по-видимому, весьма незначительным тиражом, не сохранилась, но текст ее впоследствии был воспроизведен в «La Phalange», 3-е série, t. 2, p. 732 sqq.

⁵⁶ Théorie des quatre mouvements et des destinées générales. Prospectus et annonce de la découverte. Leipzig [Lyon], 1808, 425 p.

французских социальных романах и в других подобных произведениях мировой литературы того времени. Фантастика, равно как и странное внешнее оформление книги и всякие иные экстравагантности, были пущены в ход, по собственному признанию Фурье, с целью утверждения авторской оригинальности и привлечения внимания читателей.

Тупым ненавистникам всякой новой мысли, издававшимся над фантастическими картинами будущего, нарисованными в «Теории четырех движений», Фурье отвечал словами Буало, что «правда может иногда не быть правдоподобной»⁵⁷. Когда журналисты-злопыхатели упражнялись в окарикатуривании некоторых плодов его творческого вымысла (в частности, его описания фантастических «солярийцев»), он зло высмеивал этих «неспособных на выдумку фельетонистов»⁵⁸. Космогонические и прочие чудачества, которых особенно много в «Теории четырех движений», Фурье позднее назвал «очень странными кусками», «причудливыми побочными элементами»⁵⁹, отмечая, что «это — не стиль науки, там полно галиматьи»⁶⁰; а издатели книги (во втором издании) писали, что «это был пробный шар, попытка пробудить внимание и зондировать расположение публики»⁶¹. Фурье подчеркивал незначительность этих фантастических элементов, получивших выражение в придуманных им «новых науках» — космогонии, психогонии и аналогии, которые «стоят вне теории согласованной организации хозяйствования», являющейся его «главным делом», «единственным пунктом, на котором должно быть сосредоточено внимание»⁶². Упорно отстаивая только это существо своей «социальной науки», «настоящее золото», он впоследствии говорил: «Я придерживаюсь резкого тона в отношении моей науки, но уступлю по поводу всякой другой»⁶³.

Фантастику, которую столь насыщена «Теория четырех движений», Фурье истолковал как своеобразный литературный прием, как особенность своего литературного стиля, используемого с целью сделать сочинение занимательным. Так, к главе «Теории четырех движений» о фантастическом «Северном венце» он дал примечание, в котором эта глава характеризуется как «более любопытная, чем необходимая»⁶⁴, а в позднейшей заметке он говорил о всей этой книге в целом, как о «маскараде, заключающемся в методическом нарушении правил, в скороспелых и несвоевременных сообщениях и прочих причудах изысков»⁶⁵. Наконец, уже после смерти Фурье были обнаружены его заметки о том, что нападки буржуазных критиков по поводу фантастики, содержащейся в его произведениях, — «доказательство того, что они не умеют ничего выдумывать. Солярийцы. Принимают образное в буквальном смысле. Амазонка — сахарная река, изменившееся море»⁶⁶. Используя такие фантастические образы и видя в этом особенность своего литературного стиля, Фурье в то же время подчеркивал, что за этими образами нужно всегда видеть сущность, а «в деле открытия, затрагивающего боль-

⁵⁷ Œuvres complètes de Ch. Fourier, t. I, p. 270.

⁵⁸ La Fausse Industrie, t. II, p. 5.

⁵⁹ Œuvres complètes de Ch. Fourier, t. II, Supplément, p. 89—90.

⁶⁰ Ibid., t. I, p. II.

⁶¹ Ibid.

⁶² L. Reybaud. Études sur les réformateurs et socialistes modernes, t. I. Paris, 1856, p. 192.

⁶³ La Fausse Industrie, t. II, p. 814.

⁶⁴ Œuvres complètes de Ch. Fourier, t. I, p. 62.

⁶⁵ M. Lansac. Les conceptions méthodologiques et sociales de Charles Fourier. Paris, 1926, p. 9.

⁶⁶ Ibid., p. 2—3.

шие государственные интересы, сущность следует ставить впереди формы»⁶⁷.

Фантастика «Теории четырех движений», как и всякая социальная фантастика и, в частности, фантастика утопических социалистов и коммунистов конца XVIII и первых десятилетий XIX в., обусловлена в основном, конечно, обстоятельствами исторического порядка. У Фурье она отражает и отмеченные выше индивидуальные особенности его творчества. Следует добавить, что за проявлениями этой фантастики часто можно легко заметить те или иные положения его социального учения. Так, космология Фурье, где такой фантастики больше всего, — это лишь проекция во вселенную «социетарной теории», а в своей «теологии» Фурье, подобно другим выдающимся прогрессивным мыслителям и деятелям того времени, использует известные религиозно-философские построения для продвижения пантеистических и сенсуалистических, порой материалистических идей о вселенной и человечестве, для критики существующего строя и для обоснования исторической необходимости более высокого общественного строя, соответствующего «требованиям природы».

Пресса встретила «Теорию четырех движений» полным молчанием; в одной только «Gazette de France» появилась маленькая заметка о ней. Распространения книга не получила, и почти весь ее тираж остался на складе у книгопродавца. Однако неудача не смутила Фурье: он не только не отказался от своих идей, но и решил более подробно разработать и обосновать их с целью пропаганды своей теории ассоциации. Убедившись в недостатках своего первого большого труда, он отказался от его продолжения по первоначально намеченному плану и несколько лет спустя занялся новой большой работой.

Положение торгового маклера, которое он занимал с 1800 г. и сам определял как положение «человека, торгующего вразнос чужой ложью, к которой он добавляет свою», тяготило Фурье во всех отношениях. Пытаясь добиться условий, которые позволили бы ему заняться своим большим трудом, он в 1811 г. поступил в военное ведомство на должность эксперта по проверке поставок сукна. С 1812 г., после смерти матери, согласно ее завещанию, Фурье стал получать от своих сестер небольшую пенсию, так что материальное его положение несколько улучшилось. Во время Ста дней он занимал должность заведующего бюро статистики префектуры департамента Роны. Затем Фурье покинул Лион и поселился в округе Бюже департамента Эн, в предгорьях Юры, сначала у своей сестры в деревне Таллиссе, а потом — самостоятельно, в окружном городке Белло. Благодаря поддержке друзей, он смог спокойно прожить здесь почти безвыездно около шести лет, целиком отдавшись работе над большим трактатом об ассоциации, основным трудом своей жизни. К 1822 г. Фурье закончил этот труд и выехал в Париж, где его новое сочинение было издано в двух томах⁶⁸, которые год спустя были дополнены объемистым «суммарием»⁶⁹ и несколькими менее значительными приложениями⁷⁰.

⁶⁷ Encyclopédie socialiste, vol. I. Paris, 1912, p. 171—172.

⁶⁸ Traité de l'Association domestique agricole. Paris et Londres, 1822, 2 vls. LXXX + 592 p. et VIII + 648 p.

⁶⁹ Sommaire de la Théorie de l'association domestique-agricole, ou attraction industrielle. VIII p.; Sommaire et annonce du Traité de l'association domestique agricole, 119 p. (1329—1448). Paris et Londres [1823].

⁷⁰ Supplément à l'avant-propos, p. LXV—LXXX; Antienne du chapitre III [de Sommaire et annonce], p. 1398 b—e; Appendice aux conclusions; Sur les banques ru-

Работу над трактатом об ассоциации, для которого почти весь материал был накоплен в период Империи, первой Реставрации и Ста дней, Фурье заканчивал в новый для Франции исторический период, в период второй Реставрации. В последние годы этого периода он работал над общедоступным изложением своего «социетарного учения». Естественно, что изменения в экономической и социальной жизни Франции, происходившие в это время, не могли пройти мимо взора такого наблюдательного социального критика⁷¹.

В сельском хозяйстве этот период ознаменовался некоторым ростом продукции как зерновых культур и картофеля, так и технических культур, товарного скотоводства, виноградарства и разведения шелковичных червей. Этот рост продукции был вызван возрастанием потребностей внутреннего рынка в связи с развитием промышленности. Но в то же время действовали факторы, задерживавшие прогресс сельского хозяйства. Крупное землевладение, хотя и перешедшее после Революции в новые руки, руки богачей, скупивших национальные угодья, лишало массу крестьянства значительной части пахотной земли либо выступало как эксплуататор крестьянского труда. Происходило хищническое уничтожение лесов, преследовавшее корыстные цели непосредственной выгоды для собственников и чреватое пагубными последствиями с точки зрения общих интересов развития сельского хозяйства страны. Парцелляция крестьянских земель продолжалась, причем раздробленное крестьянское хозяйство оставалось на низком техническом уровне (на юге Франции примитивная соха все еще преобладала над плугом) и всячески эксплуатировалось ростовщическим и торговым капиталом. Разрушительное влияние последнего на мелкое крестьянское хозяйство усиливало сельскохозяйственные кризисы и делало их более длительными. Во французской деревне все более и более углублялось классовое расслоение, и беднейшая часть крестьянства, положение которого становилось катастрофическим, доходила до голодных бунтов. Все это создавало обстановку хозяйственной неустойчивости и способствовало уходу известной части сельского населения в города.

Между тем в области промышленности, несмотря на реакционную внутреннюю, в частности и экономическую, политику правительства, шло движение вперед, знаменовавшее назревание промышленного переворота. Расширялось, хотя и сравнительно медленно, применение машин не только как единичных установок, но и как системы. Более широко использовались каменный уголь, паровые двигатели, гидравлическая энергия и различные технические новшества. Происходила концентрация промышленности, и крупные фабрично-заводские предприятия все больше и больше вытесняли и подавляли мелкое производство. В области легкой промышленности, в связи с распространением и совершенствованием новых механических станков, стали быстро развиваться хлопкопрядение и хлопкоткачество, преобразовывалось шерстя-

rales, p. 8 b—c; *Ordre de lecture préparatoire. Instructions pour le vendeur et l'acheteur.*

⁷¹ Об экономической и социальной жизни Франции в годы Реставрации, помимо указанных выше общих трудов по экономической и социальной истории Франции, см. также: G. et H. Bourgin. *Le régime de l'industrie en France de 1814 à 1830.* 3 vls. Paris, 1912, 1921, 1941; H. Sée. *La vie économique de la France sous la monarchie censitaire.* Paris, 1927; M. Marion. *Histoire financière de la France,* t. V (1819—1875). Paris, 1928; A. L. Dunham. *La révolution industrielle en France (1815—1848).* Paris, 1953.

ное производство, возникло производство смешанных бумажно-шелковых тканей, тюля и других новых для французской текстильной промышленности тканей, появилось фабричное производство готовой одежды и обуви. В то же время развивалась металлургия, техника которой обновлялась; появилось машиностроение; делали успехи химическая, керамическая, стекольная и другие отрасли промышленности, в частности полиграфия (машины Кенига). Однако все это промышленное развитие проходило крайне хаотично и было подчинено интересам крупного финансового капитала, влияние которого, сильно возросшее, нередко задерживало технический прогресс: в ряде случаев (машины для льнопрядения, для производства бумаги и др.) французские изобретения были введены лишь с опозданием, после того как их признали в Англии; другой пример — задержка развития свеклосахарной промышленности из-за противодействия дельцов, заинтересованных в торговле гростниковым сахаром. Наконец, следовавшие один за другим кризисы (1811, 1814, 1815, 1817—1818, 1827—1829 и 1830 г.) были губительными для мелкого и среднего производства и приводили к еще большему усилению господства крупного капитала.

Внешняя торговля Франции, пришедшая в упадок в результате экономической политики Наполеона, восстанавливалась в период Реставрации медленно, так как продолжавшаяся протекционистская политика сильно ограничивала ее. Но все же в сравнении с периодом Империи, к концу которого оборот внешней торговли упал ниже 600 млн. лиров, теперь он вырос и к концу Реставрации достиг почти миллиарда. Внутренняя торговля имела более благоприятные условия для развития, но значительной помехой для нее было плохое состояние путей сообщения; упорядочение и улучшение департаментских и местных дорог, мостов и каналов, запущенных при Империи, проводилось в широком плане. Как на внешнюю, так и на внутреннюю торговлю большое влияние оказывала финансовая и налоговая политика, усиливавшая давление на потребительскую массу к выгоде крупных капиталистов. Финансовый капитал быстро развивался, создавая новые формы мобилизации средств (например, сберегательные кассы, учрежденные во Франции в 1818 г.) и новые организации своего господства над экономикой страны (анонимные акционерные общества, показателем развития которых может служить, например, такой факт: в 1826 г. на Парижской бирже котировалось уже 42 различных вида ценных бумаг, тогда как в 1816 г. их котировалось только 7) и все больше и больше влияя на правительственную политику во всех областях жизни. Особенно заметно это было в области финансов: бюджет Франции в этот период значительно вырос, причем одни только расходы по выплате государственных долгов возросли почти втрое; между тем прямые налоги сохранялись в прежних размерах, а косвенные увеличивались с невероятной быстротой, ложась тяжелым бременем на народную массу, в особенности на рабочее население городов.

Промышленный переворот, который переживала Франция в период Реставрации, имел не только технический, но и социальный аспект. Развитие крупной промышленности и торговли и усиление господства крупного капитала сопровождалось разорением мелких собственников и ухудшением положения рабочего населения. Введение новых машин делало «излишними» значительные массы рабочих (например, одна «мюль дженни», которая требовала только одного рабочего и одного

помощника, обычно ребенка, выполняла прежнюю работу 100—200 рабочих), пополнявших резервную армию труда. Детский труд стал вероятно эксплуатироваться во всех отраслях промышленности; более широкое применение получал и труд женщин и неквалифицированных рабочих. Все это способствовало удержанию заработной платы на низком уровне, несмотря на повышение цен на продукты питания и квартирной платы в городах. Наступление капитала к тому же облегчалось тем, что рабочие стачки оставались запрещенными и пролетариат не имел своих классовых организаций. В связи с этим рабочие, обреченные на непосильный подневольный труд, всегда жили в нужде, под угрозой безработицы, губили силы и здоровье, преждевременно умирали. Детская смертность в больших городах достигла ужасающих размеров (до 90%), а средняя продолжительность жизни рабочего упала до 21—22 лет. Пауперизм стал массовым явлением во Франции: в Париже число внесенных в списки бедняков составляло десятую часть всего населения; число «натуральных» («незаконных») детей достигало в департаменте Сены 31,6%, а покинутые дети исчислялись многими десятками тысяч; бродяги и нищие кишели на городских улицах и на больших дорогах. И среди этих, порожденных бурным наступлением капитала, тягчайших бедствий народных масс крупная буржуазия резко проявляла присущий ей своекорыстный и жестокий эгоизм, который еще больше усиливал назревшие классовые противоречия.

Эти экономические и социальные процессы Фурье мог наблюдать во всем их разнообразии. Деревня Таллисье и городок Белла в департаменте Эн, где он провел 1815—1822 гг., открывали ему лицо сельскохозяйственной провинции, а возвращение в большие города — Париж, Лион и Безансон, в которых он жил в 1822—1829 гг., показало ему жизнь крупных промышленных и торговых центров Франции в условиях, несколько изменившихся по сравнению с прежними, ему известными. Наблюдения этих лет пополняли накопленный и изученный им в прежние годы материал и подтверждали сделанные из этого критического изучения выводы, которые он теперь мог в более развернутой форме представить в своем «Трактате об ассоциации», написанном в первой половине этого периода, а затем изложить более сжато в книге «Новый мир», подготовленной к концу этого периода. Новый этап развития буржуазной цивилизации еще с большей отчетливостью выявлял противоречивость «разорванного» строя, экономическую его несостоятельность, гибельность его для подавляющей массы населения, паразитарность известных социальных слоев, появление господства монополий, задержку или антисоциальное использование ими достижений научного и технического прогресса и другие волюющие пороки, которые Фурье подметил и критиковал в своих произведениях. Вместе с тем в этот период быстрого промышленного и научного прогресса Фурье еще больше убеждался в своей мысли, что строй цивилизации, развивая крупную промышленность, концентрируя производство и содействуя успехам наук и искусств, тем самым создает предпосылки для перехода к более высокому строю производственных и общественных отношений, который он назвал «социетарным». С другой стороны, будучи свидетелем разразившегося в 1825—1826 гг. первого крупного циклического экономического кризиса, Фурье установил, что это — необходимое следствие существующего порядка «бессвязного хозяйствования», и определил его сущность как «кризиса от избытка». Все эти дополнительные наблюдения, размышления и выводы Фурье нашли свое отражение в

двух его больших произведениях, написанных в годы второй Реставрации.

«Трактат об ассоциации» был свободен от многих причуд, которыми отличалась первая книга Фурье, и давал новую теорию в тщательно разработанном виде; но буржуазное общественное мнение встретило его немногим лучше, чем «Теорию четырех движений». Шапталль, Лаплас, Ларошфуко и другие выдающиеся современники, которым Фурье послал по экземпляру своего труда, даже не сочли нужным подтвердить получение книги; один только Бенжамен Констан удостоил Фурье извещением о получении его сочинения, но и тот даже не обещал прочесть его. Большинство газет и журналов замалчивало появление трактата Фурье, и лишь единичные издания решились ознакомить с ним своих читателей. Так, например, в «Revue encyclopédique» воздавалось должное критической работе Фурье, хотя в то же время отмечались недостаточная ясность его плана преобразований и странности, а порой и непонятность языка и оформления книги⁷². Другой журнал, отмечая выход в свет «Трактата» Фурье, представлял его как «одну из самых своеобразных, самых новых, самых плодотворных, самых причудливых, самых широких систем, какую философскому уму угодно было создать на основах то воображения, то научных и положительных»⁷³. Наконец, следует отметить еще отзыв натуралиста де Ферюссака, редактора «Bulletin universel», который, отмечая трудность чтения книги Фурье из-за своеобразия литературного и типографического оформления, также признавал, что основная идея автора высокоинтересна и что развитие общества может привести к необходимости ее применения, а потому желательно, чтобы идеи Фурье были представлены читающей публике в более доступной форме⁷⁴.

Отношение прессы и общества возмущало Фурье, который к тому времени переехал в Париж, где он был вынужден снова поступить на конторскую службу и давать частные уроки, чтоб иметь средства к существованию. И хотя друзья и последователи Фурье, как и объективные рецензенты его книги, неоднократно указывали, что пропаганда его идей станет возможной только после того, как он представит их в форме, более доступной широким кругам читателей, Фурье не был в состоянии заняться новой большой литературной работой. В эти годы он написал только одно небольшое сочинение на специальную тему, не связанную с его социальной теорией⁷⁵. Некоторые приписывали литературную пассивность Фурье в это время его озлоблению против общества, отнесшегося к нему с полным равнодушием, но сам он давал своему поведению совершенно иное объяснение. «Вы ошибаетесь,— писал он своему другу Мюйрону,— полагая, что отсутствие богатства и успеха озлобило меня до такой степени, что я хочу отказать миру в моих открытиях; но он лишает меня возможности дать их ему, так как моей работе сильно мешает отсутствие средств»⁷⁶.

В этот период своей жизни Фурье особенно остро переживал отсутствие у него необходимых материальных средств: не только большой

⁷² «Revue encyclopédique», mai 1823, p. 380—381.

⁷³ «Le Miroir», 18 mars 1823.

⁷⁴ «Bulletin universel des sciences et de l'industrie», 6e section, t. I, février 1824, p. 114—126.

⁷⁵ Mnémonique géographique, ou Méthode pour apprendre en peu de leçons la géographie, la statistique et la politique «extérieure» [Paris, 1824].— Publication des manuscrits de Ch. Fourier, 1852, p. 267—268.

⁷⁶ Ch. Pellarin. Vie de Fourier, p. 140.

суммы в несколько миллионов, которая дала бы возможность создать опытный фаланстер для практического доказательства верности его теории, но и самых скромных средств, которые позволили бы ему хотя бы оставить работу ради хлеба насущного и отдаться целиком дальнейшим изысканиям в области «социетарной теории». «Кандидата», который обеспечил бы опыт создания фаланстера, он так и не находил, а жизнь самого «открывателя» теории все еще оставалась необеспеченной и вместо самостоятельных теоретических и литературных трудов ему приходилось отдавать свое время и свои силы работе в чужих и чуждых ему конторах. Так Фурье перебивался три года в Париже, добывая себе средства к жизни конторским трудом и частными уроками и все еще надеясь продвинуть в жизнь свое «открытие». В 1825 г. он уехал в Лион, где служил кассиром в одном торговом предприятии, в следующем году вернулся в Париж, устроился на должность корреспондента в конторе одной американской фирмы. Лишь в 1828 г. ему удалось, благодаря поддержке семьи и друзей-последователей, окончательно избавиться от ненавистной торговой службы и целиком посвятить себя делу своей жизни.

Годы 1828—1829 Фурье провел в родном Безансоне, работая над новой книгой, которая должна была в наиболее сжатом виде и в общедоступной литературной форме представить окончательные результаты всех его социально-критических размышлений и конструктивных изысканий. В 1829 г. он приехал в Париж, чтобы издать это произведение — «Новый, производственно-трудовой и социетарный мир»⁷⁷, и прожил там почти безвыездно весь остаток своей жизни, заполненный литературной и пропагандистской работой.

К этому времени вокруг Фурье сгруппировались первые его сторонники из среды передовой интеллигенции. Это были выходцы из состоятельных классов, но люди искренние и честные, восторженные романтики, социалисты из чувства любви к обездоленному и угнетенному народу, недовольные существующим общественным строем и возмущенные его пороками. С большим почтением, с признательностью и даже восхищением относились они к своему учителю, который представлял перед ними как глава новой научной школы, как основоположник «социальной науки», призванной принести человечеству свободу и благоденствие. Но по сути дела они оставались благонамеренными буржуа и в учении Фурье видели средство к предотвращению страшившей их революции. Они односторонне воспринимали и развивали ошибочные и реакционные положения этого учения: сохранение нетрудового дохода в «социетарном плане», непризнание исторической самостоятельности пролетариата, антиреволюционность и политический индифферентизм, выдвижение изобретенной «социальной науки» в качестве движущей силы развития общества, надежду на всемогущество пропаганды словом и примером и на содействие просвещенных представителей господствующих классов делу разумного переустройства общества. В то же время они пренебрегали наиболее прогрессивными идеями Фурье, в особенности осуждением реформистского крохоборчества и требованием решительного, единовременного, всеобщего и полного выхода из существующего «строения цивилизации» и перехода к более высокому общественному строю — «строю гармонии». Мелкобуржуазные

⁷⁷ Ch. Fourier. Le Nouveau Monde industriel et sociétaire, ou invention du procédé d'industrie attrayante et naturelle, distribuée en séries passionnées. Paris, 1829, XVI + 576 p.

сторонники Фурье, впоследствии превратившиеся в реакционную доктринерскую секту, в «антиподов Фурье»⁷⁸, не понимали своего учителя, и этот замечательный человек был среди них трагически одинок.

В эти годы, после июльской революции 1830 г., во Франции происходили значительные экономические и политические сдвиги. В период Июльской монархии Франция все еще оставалась страной преобладающего сельского хозяйства, но промышленный переворот в этой стране развивался тогда уже значительно быстрее, чем прежде⁷⁹. Сильно возросла добыча каменного угля и железной руды, а вместе с тем развивалась и тяжелая промышленность. Значительны были успехи в области машиностроения, и вместе с распространением механизации во всех отраслях промышленности стали гораздо более широко применяться гидравлические и паровые двигатели. Улучшались дороги и стало развиваться недавно начавшееся во Франции железнодорожное строительство. Сильно развивалась внутренняя торговля, а в значительной мере и внешняя (экспорт по многим статьям вырос в полтора раза и больше). Концентрация капиталов и производства делала дальнейшие и быстрые шаги, и в промышленных районах уже не редкостью стали предприятия, в которых занято было по 400—500 и больше рабочих; росли акционерные общества, распространялась сеть сберегательных касс.

Рост механизированной и концентрированной промышленности приводил к упадку рассеянной мануфактуры и ремесла в сельских поселениях и к сокращению сельского населения, за счет которого пополнялись ряды городского пролетариата. В связи с этим возрастала численность потребителей сельскохозяйственной продукции, а это стимулировало интенсификацию сельскохозяйственного производства. Однако крайняя раздробленность крестьянского хозяйства и невозможность использовать в нем новейшие технические усовершенствования задерживали прогресс в этой области.

В промышленности возможный более быстрый прогресс также задерживался из-за своекорыстной политики аграрной и финансовой аристократии, стремившейся удерживать высокие цены на уголь, руду и другие виды сырья и препятствовавшей ввозу извне достаточного для развивающейся промышленности количества материалов, преимущественно сырья. Крупная буржуазия, чрезмерно обогатившаяся и становившаяся классом все более и более паразитическим, определяла и финансовую политику Июльской монархии, которая сохраняла прямые налоги без изменений, но зато увеличивала косвенные налоги и превратила государственный бюджет в средство ограбления народных масс в интересах господствующей финансовой олигархии.

Чрезвычайное обогащение крупной буржуазии в годы Июльской монархии сопровождалось продолжающимся и растущим разорением

⁷⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс Сочинения, т. 3, стр. 464.— См. статью «Банкротство элигонов Фурьеризма» в сб. «Из истории социально-политических идей». М., 1955, стр. 548—569.

⁷⁹ Об экономическом и социальном развитии Франции в этот период см. в указанных выше общих трудах по экономической и социальной истории Франции, а также в следующих работах: E. Fournière. Le règne de Louis Philippe. «Histoire socialiste» sous la direction de J. Jaurès. t. VIII. Paris, 1906; O. Festy. Le mouvement ouvrier au début de la monarchie de Juillet (1830—1834). Paris, 1908; M. Marion. Histoire financière de la France, t. V (1819—1875). Paris, 1928; L. Dubreton. La Royauté bourgeoise. Paris, 1930; Ф. Потемкин. Лионские восстания 1831 и 1834 гг. М., 1937; A. L. Dunham. La révolution industrielle en France (1815—1848). Paris, 1953.

мелкой буржуазии и ростом пауперизации масс трудящихся. Особенно ухудшались условия жизни рабочего, а усиленное применение труда малолетних вело к ужасающему росту детской смертности. Среди мелкой буржуазии и рабочего класса, устраненных цензитарной монархией от участия в управлении государством, росли оппозиционные настроения, проникнутые демократическими и социалистическими тенденциями. В поисках выхода из своего тяжелого положения рабочие и мелкая буржуазия проявляли склонность к ассоциационистским идеям, но при этом они имели в виду лишь преодоление трудностей повседневной жизни и улучшение условий быта в рамках существующего строя, а не полное переустройство общества на новых началах. Рабочие крупных промышленных центров — Парижа, Лиона, Руана, Сент-Этьена и др. — прибегали к стачкам и восстаниям, но в этих движениях они еще не выступали как созревший, сознающий свои классовые цели пролетариат. В этих условиях буржуазия могла использовать революционную силу рабочего класса в своих интересах, чтобы затем, подавив рабочее движение, усилить государство как орудие буржуазного классового господства.

Установившаяся конституционная монархия, которая, как ее позднее определил Маркс, «была не чем иным, как акционерной компанией для эксплуатации французского национального богатства»⁸⁰, лишь усилила тот процесс капиталистической индустриализации, который во Франции, как и в других странах, развивался в ущерб рабочему классу и мелкой буржуазии и лишь усиливал господство крупного капитала, так называемой финансовой аристократии. Обезоружив и парализовав революционное движение 1830 г. и подавив рабочие восстания 1831—1832, 1834 и 1839 гг., эта верхушка французской буржуазии упрочила свое господство над рабочим классом. Утверждая свою диктатуру, она лишила возможности влиять на экономическую и политическую жизнь городскую мелкую буржуазию и крестьянство, а в значительной части и промышленную буржуазию, и тем самым вызвала среди подавляющего большинства народа недовольство существующим строем, где безраздельно царили страсть к легкой наживе, бесстыдный обман и разврат.

Такая действительность не оставалась вне поля внимания Фурье, который в момент Июльской революции 1830 г. и в последующие годы оставался в Париже. И хотя его учение давно уже получило законченный вид, он продолжал черпать из своих наблюдений этой действительности новые доказательства тех или иных прежде сформулированных им положений и делать различные дополнения к тем или иным частям своей теории. Статьи Фурье, опубликованные в эти годы в журналах «*La Réforme industrielle, ou le Phalanstère*» и «*La Phalange*», а также в посмертно изданных сборниках его рукописей, дают основание утверждать, что Фурье не был закостенелым доктринером и не оставался безучастным к происходившим вокруг него социальным процессам. В этих статьях Фурье мы встречаем наряду с более детальной разработкой тех или иных элементов его «социетарного плана» также более углубленную критику преступлений торговли⁸¹, роли банков и развивающегося господства капиталистических монополий⁸², реакционности буржуаз-

⁸⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 10.

⁸¹ Les crimes du commerce. «*La Réforme industrielle, ou le Phalanstère*», т. 2, p. 357; Spéculation commerciale. Ibid., p. 382.

⁸² Féodalité commerciale. Ibid., p. 28.

ного либерализма⁸³, мистификации «прогресса»⁸⁴, фальши филантропии⁸⁵ и других отрицательных сторон жизни буржуазного общества, которые стали особенно резко проявляться именно в годы Июльской монархии.

Написанное Фурье в последние годы его жизни двухтомное сочинение о двух противоположных системах хозяйствования — «ложной, раздробленной, отталкивающей, обманной», с одной стороны, и «природосообразной, согласованной, привлекательной, истинной, дающей учетверенную продукцию», с другой стороны⁸⁶, — также заключало в себе некоторый новый материал, почерпнутый из последних наблюдений экономического и социального развития и использованный как в критическом, так и в конструктивном плане. Характерно, что в этом своем произведении Фурье вносил существенный корректив в предложенную им систему распределения доходов при «социетарном» строе, вводя — вместо первоначально намеченной доли дохода на капитал в размере одной трети — различный коэффициент для исчисления дивиденда на акции, приобретенные на средства различного происхождения — денежные (7%), земельные (14%) и трудовые (30%). Тем самым открывался путь к непрерывному возрастанию доли трудового дохода «фаланстерианцев» и к постепенному сокращению и сведению в конце концов почти на нет дохода нетрудового⁸⁷. Знаменательно также, что в эти годы Фурье, хотя все еще ждал «кандидата», который обеспечил бы материальную базу опытного фаланстера, стал уже сомневаться в возможности содействия со стороны представителей господствующих классов разрешению социального вопроса для достижения всеобщего благополучия и счастья для всех. «Вообще, — писал он, — не следует особенно рассчитывать на этих мнимых друзей бедных классов; они хотят только наставлять народ, а не сделать его счастливым; они раздражаются при мысли о счастье народа»⁸⁸.

Но все же Фурье и в последний период своей жизни оставался оторванным от масс мечтателем-одиночкой, социальным утопистом. Даже после восстаний лионских рабочих в 1831 и 1834 гг. он не отошел от прежнего своего неверия в революцию и не пришел к пониманию исторической роли созревавшего тогда пролетариата как ведущей силы социального прогресса. Он не сумел понять, что общество, основанное на свободном коллективном труде, может быть построено лишь в результате длительной борьбы и победы угнетенного класса. Все свои надежды Фурье продолжал возлагать на возможный, необходимый и даже неизбежный, по его мнению, быстрый и мирный переход человечества к строю ассоциации, как только превосходство этого строя над «раздробленным порядком» будет доказано теоретически и проверено на опыте. Он продумывал различные возможные «выходы из строя цивилизации», учитывая при этом опыт производственных и потребитель-

⁸³ Aveuglement du libéralisme. «La Réforme industrielle», t. 2, p. 331.

⁸⁴ Mystification des chantres du progrès. Ibid., p. 378.

⁸⁵ Les gasconnades philanthropiques. Ibid., p. 91; Pierre de touche pour juger les philanthropes. Ibid., p. 109; Les faux frères en philanthropie, ou la divergence des deux intérêts. Ibid., p. 313.

⁸⁶ La Fausse Industrie, morcelée, répugnante, mensongère et l'antidote, l'industrie naturelle, combinée, attrayante, véridique, donnant quadruple produit. Mosaïque des faux progrès, des ridicules et cercles vicieux de la Civilisation. Parallèle des deux mondes industriels, l'Ordre morcelé et l'Ordre combiné. 2 vls. Paris, 1835—1836

⁸⁷ La Fausse Industrie, t. I, p. 86 et 412.

⁸⁸ Lettre de Fourier du 22 mai 1830.— Ch. Pellarin. Vie de Fourier, p. 6.

ских ассоциаций Лиона, различных акционерных обществ, коммунистических общин и крестьянских производственных объединений. Провозгласив «право на труд» и «гарантию минимума», Фурье планировал и различные возможные организации «гарантизма» и «социантизма», которые могли бы служить последовательным переходом к «гармонизму», если бы не удалось, как он мечтал, осуществить непосредственный переход, скачок к последнему. Но эти переходные учреждения никогда не были для него целью, общественным идеалом, а намечались лишь в качестве мостика к будущему на тот случай, если желательный и возможный скачок к этому будущему не был бы осуществлен.

Фурье и прежде решительно отвергал всякую мысль о частичном исправлении существующего строя, о постепенном его совершенствовании путем реформ,— он считал такие реформы вредными, поскольку они удлиняют существование этого строя. Он всегда требовал борьбы за полное уничтожение порочного в своих основах и исторически отжившего строя буржуазной «цивилизации», за единовременный и полный переход к более высокому общественному строю, строю гармонии. Сожалея о том, что революционное движение XVIII в., в котором участвовали широкие народные массы, не осуществило этой великой исторической задачи, и разочаровавшись в связи с этим в насильственной и политической революции, он возлагал все свои надежды на иную революцию — мирную и социальную. Подготовить такую революцию он хотел путем научной пропаганды, путем теоретического и опытного доказательства. Но на склоне своей жизни он все более и более убеждался в том, что его усилия в последнем направлении не приводят к желанной цели, а ученики отходят от его радикальных идей в сторону всегда им осуждавшегося крохоборческого реформизма.

В последние годы своей жизни Фурье, учитывая накопленный жизненный опыт и наблюдения над современностью, подверг, как мы видели, частичному пересмотру некоторые существенные положения своего учения, причем это были именно те положения, которые составляли самые слабые стороны его учения, как допущение нетрудового дохода в будущем обществе и расчет на помощь представителей господствующих классов в борьбе за новый общественный строй. Продолжая идти вперед по избранному им с самого начала пути радикальной социальной критики и будучи глубоко враждебен всякому крохоборческому реформизму, Фурье должен был в изменившейся исторической обстановке Франции 30-х годов XIX в. искать новую социальную силу, которая могла бы стать носителем всеобщего и полного преобразования общественной жизни на началах свободной трудовой ассоциации, провозвестником которой он был. Но у него, мыслителя-одиночки, не было связи с массами, он не замечал развертывавшейся борьбы классов, и это мешало ему видеть новую социальную силу, силу революционного пролетариата, который пробивался к исторической самостоятельности, и связать с нею осуществление своей жизненной мечты.

В эти годы Фурье все еще зывал к миру, используя все доступные ему пути и средства для пропаганды своего учения. Но буржуазное общественное мнение либо замалчивало социальное учение великого утописта, либо подвергало его злопыхательской критике, сводившейся к издевательскому высмеиванию его чудачеств. В 1836 г. обрушилась на него и католическая церковь: изданная папой Григорием XVI энциклика осудила «социетарную теорию», и сочинения Фурье были включены Ватиканом в Index librorum prohibitorum. На такие нападки Фурье отвечал

со всей свойственной ему прямою и с большим мастерством полемиста.

Сильные мира сего, на содействие когорых Фурье наивно надеялся, проявили глубокую враждебность к идее коренного изменения этого мира, а массы, которые чаяли такого изменения, еще не осознали своей исторической роли. Ученики Фурье, образовавшие «Социетарную школу», во многом, даже в основном, не понимали и извращали его идеи. Попытка создать опытный фаланстер, сделанная в 1832 г. Бодэ-Дюлари и другими последователями Фурье, принесла его учению лишь вред и была осуждена им самим. Получив, наконец, возможность оставить тягостную и ненавистную ему торговую службу и целиком отдаться литературно-пропагандистской деятельности, великий утопист на склоне лет жил почти изолированно, поддерживаемый лишь немногими друзьями.

При всей непоколебимой вере в свою правоту Фурье испытывал часы разочарования и горечи. «Я встречаю со всех сторон, — писал он, — лишь затруднения и пробираюсь к своей цели сквозь одни неприятности. Я не из тех, которые думают, что для изобретателя прелесть научных занятий — достаточная поддержка...»⁸⁹

Свое возмущение старым миром он изливал в волнующих строках своей «Ode sur la découverte des destinées sociales»:

О ты, вулкан клеветных извержений,
Презренный век, кому прогресс — лишь грим.
Ты, что велением смешным
В полете сковываешь гений!
Лишь чашу желчи ты поднести
Способен за благую весть
Высоких неба обещаний.
Ты так и мой клеймил бы труд:
Лишь тридцать лет обид, терзаний
Наградой бдений были б тут...⁹⁰

Но презрение к тупым клеветникам сочеталось у Фурье с гордой уверенностью в том, что его творческий подвиг будет понят и оценен обновленным человечеством будущего:

...И как мудрец из мудрецов
До грани будущих веков
Я возношусь к бессмертной славе —

восклидал он в одном из вариантов той же оды.

С такими чувствами подводил итоги своих жизненных трудов оригинальнейший мыслитель и мечтатель, не понятый современниками. Он окончательно ушел в себя, целиком отдавшись миру своих идей, уточняя и развивая которые он исписывал десятки тетрадей. Жизненные неудачи и гибель надежд на скорое осуществление «социетарного строя» надломляли его морально и окончательно подорвали и без того слабое его здоровье. С 1835 г. физическое состояние Фурье стало резко ухудшаться, но он упорно отказывался от всякой помощи и ухода. Он

⁸⁹ Publication des manuscrits de Ch. Fourier, 1857—1858, p. 63.

⁹⁰ Ch. Pellarin. Vie de Fourier, p. 242; H. Bourgin. Fourier, p. 173. Перевод Г. М. Филиппова, «Известия», 6 октября 1937 г.

вел свой обычный образ жизни, по-прежнему продолжал много работать вплоть до кончины.

Написанное Фурье в последние годы его жизни, за исключением нескольких статей, напечатанных в журнале «La Phalange»⁹¹, и приписки к письму группы видных фурьеристов по поводу проекта создания «Социетарного института»⁹², не только не было опубликовано, но даже не было должным образом упорядочено и изучено, как, впрочем, и большинство его рукописей вообще (лишь недавно вышла в свет работа о рукописях тетрадей Фурье⁹³). Надо надеяться, что хранящиеся в Париже «Социетарные архивы» будут подвергнуты когда-нибудь научной разработке, и исследование всех рукописей и писем Фурье в полном их объеме даст возможность представить более полную и более точную картину процесса становления социального учения этого великого социалиста-утописта. Но и сейчас, как мы видели из приведенного в настоящей статье, на основании того, что опубликовано из литературного наследства Фурье и из материалов, относящихся к его жизни и деятельности, можно сделать общие выводы об особенностях его творческого пути.

Критически изучая окружающую его социальную действительность и размышляя о ее связанности с историческим прошлым человечества, этот мыслитель пришел к определенной социально-исторической концепции. Вместе с тем, наблюдая в этой действительности явления, могущие в своем дальнейшем развитии стать предпосылками коренного переустройства общества и зародышами новой организации производства, он создал конструктивную часть своего учения. В обоих этих своих аспектах творчество Фурье определялось преимущественно данными, почерпнутыми им из жизненных наблюдений, и лишь в небольшой мере сведениями и идеями, извлеченными из литературных источников. Основные идеи Фурье возникли уже на первых шагах его творческого пути, однако «социетарная теория» в целом разрабатывалась постепенно, причем дополнения, уточнения и исправления вносились в нее на протяжении всей жизни Фурье, на основании дальнейших его наблюдений развивающейся действительности. Наиболее ранними в творчестве Фурье являются его взгляды на историческое развитие человечества, критика «строя цивилизации» и общая характеристика «строя гармонии»; позднейшими — более углубленная критика существующего строя, мысли о возможном переходном периоде — «гарантизме» — и некоторые уточнения «социетарного плана». Фурье задался целью создать «социальную науку» и важнейшей особенностью всего его творчества является, по определению Энгельса, «научное изыскание, трезвое, свободное от предрассудков, систематическое мышление»⁹⁴; но создать подлинно научное учение об обществе он, будучи ограничен идеалистическим в своей основе мировоззрением, недостаточным образованием и незрелостью современных ему общественных отношений, оказался не в состоянии. Эту историческую задачу выполнили позднее, в новых исторических условиях, основоположники теории научного коммунизма Маркс и Энгельс, признавшие Фурье одним из своих самых выдающихся предшественников.

⁹¹ «La Phalange», 2e série, t. 8, p 161—169, 317—323, 417—421, 672—681

⁹² Post-scriptum a la Lettre confidentielle des membres de la réunion du 31 juillet, en réponse à une brochure intitulée: Aux phalanstériens. La Commission préparatoire de l'Institut sociétaire (Paris, 1837).

⁹³ E. Poulat Les cahiers manuscrits de Fourier Paris, 1957.

⁹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 1, стр. 528